

Свечи

апрель 2017

журнал
Никиты Михалкова

*Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,
—Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!..
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.*

Федор Тютчев

Б. Кустодиев. «Весна». 1921

**«В нем русское
было центром всего»**

На реформы Столыпину
выпало всего пять лет

**По ком звонил
«Колокол»**

Путаная семантика
прозвища Herzen

**Присутствие
как чудо**

Попытка проникновения
в «зону» Андрея Тарковского

***Н**ЕЛЬЗЯ к нашим русским корням, к нашему русско-
му стволу прикреплять какой-то чужой, чуже-
странный цветок. Пусть расцветет наш родной
русский цвет, пусть он расцветет и развернется под
влиянием взаимодействия верховной власти и нового
представительного строя.*

***Р**ОДИНА требует себе служения настолько жерт-
венно чистого, что малейшая мысль о личной вы-
годе омрачает душу и парализует работу.*

Петр Столыпин (1862–1911)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Верный России и Делу	28–31	Возвращение имени Сибирский радетель Генерал Петр Капцевич — герой в бою, мастак в управлении
3–7	Корневая система «В нем русское было центром всего»	32–35	Дом Романовых Миротворцем нареченный Мемориалы Александру III появятся в Крыму и в Москве
8–11	Достояние Святослав Рыбас: «За фигурой Столыпина — века великой истории»	36–38	Родное слово Легенда о рыцаре Саньке 115-лет назад родился Вениамин Каверин
12–15	Философ о философе Сочти число зверя Евгений Трубецкой: урок, преподанный революциями	39	Книжная палата
16–19	Символ веры Первый престол О главном российском соборе и его особой миссии	40–43	Хранить вечно Всё, что на сердце у меня Почему песни Соловьева-Седого волнуют и вдохновляют
20–23	Ретроспектива Выплывали расписные Разинские походы — крестьянская война или великое душегубство?	44–47	Стоп-кадр Присутствие как чудо
24–27	Свой среди чужих По ком звонил «Колокол»	48	Трапезная Мясной терем

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

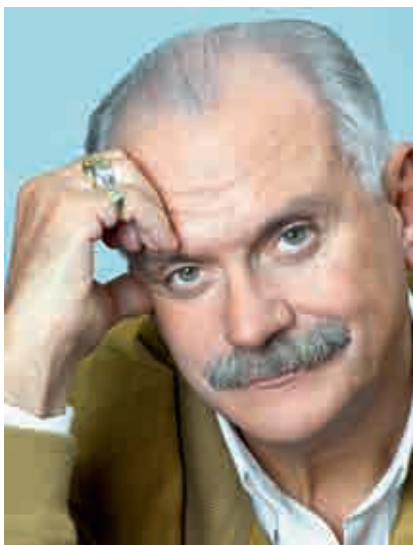
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 39 200

Подписано в печать 20 марта 2017 г.

Верный России и Делу

Личное отношение к фигуре Петра Аркадьевича Столыпина (в апреле исполняется 155 лет со дня его рождения) я полнее всего попытался выразить в документальном телефильме «Выстрел в Россию». Из названия ясно, что картина повествует не только и не столько о биографии выдающегося премьера, сколько о невероятной трагедии его судьбы. А равно — о трагедии Отечества. Не стану здесь пересказывать содержание, остановлюсь лишь на ключевой сцене.

Саратов. Центральная площадь. Толпа разъяренных мужиков, недовольных властью. Ослеплены гневом, жаждут крови. Губернатор Столыпин среди них, без охраны, говорит с народом напрямую, глаза в глаза. Вдруг замечает, как к нему стремительно приближается некий человек — абсолютно невменяемый, как потом говорили, «с убийством во взгляде». Столыпин внезапно расстегивает форменное пальто, снимает и бросает ему с криком: «Держи!». Тот машинально ловит, и... глаза его наполняются слезами — то ли от детской обиды, то ли от чего-то еще.

Петр Аркадьевич невозмутимо поворачивается к нему спиной и продолжает беседу. Этот поступок резко переламывает настроение собравшихся. На лицах — почти восхищенное изумление. Такого они отродясь не видели. Ждали, что им ответят казаки, пустят в дело шашки, нагайки, будут бить, разгонять. Но нет: перед ними стоит один Столыпин, скидывает пальто и — меняет ситуацию на 180 градусов. Вот она, величайшая режиссура политика!

У него оставались доли секунды, чтобы либо бежать от злоумышленника, либо кликнуть охрану. Однако он был настолько уверен в своей правоте, что принял максимально рискованное, парадоксальное решение. И выиграл.

Впоследствии кто-то увидел в этом жесте пренебрежительное отношение к простолюдину (возьми, мол, пальто, холоп), кто-то — желание выказать доверие к потенциальному убийце и отвратить его таким образом от страшного деяния, кому-то невольно припомнилась строчка «Безумству храбрых поем мы песню».

Отбросим голословную версию о высокомерии Петра Аркадьевича. И согласимся с тем, что он был и чрезвычайно умен, и потрясающе бесстрашен.

Столыпин, постоянно находясь на острие, в сложнейших критических ситуациях, много раз глядя смерти в лицо (кстати, завещал похоронить себя именно там, «где убьют»), то есть предвидел трагический финал), никогда не изменял Делу, которому беззаветно и бескорыстно служил. В этом находил для себя великую силу, колоссальную энергию убежденности, веру в то, что способен на многое, в том числе единым решительным жестом остановить любого злодея. А при условии двадцатилетней стабильности — сделать Россию самой благополучной страной в мире. Он был тогда единственным человеком, у которого это могло получиться. Не дали. Подбили на взлете. Стреляли в Столыпина — попали в Россию.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Петр Столыпин' written in a stylized, cursive script.

«В нем русское было центром всего»

Словами, вынесенными в заголовок, Василий Розанов и один из думцев некогда охарактеризовали жизнь и деятельность Петра Аркадьевича Столыпина. Его ослепительно яркая и скорая, как метеор, политическая карьера в высших сферах уместилась в короткий пятилетний промежуток — между назначением саратовского губернатора министром внутренних дел весной 1906 года и роковым выстрелом в киевском театре в сентябре 1911-го. Однако он навсегда останется в нашей истории образцом, практически идеалом русского государственного деятеля, защитника национальной идеи и державных интересов.

Егор Холмогоров

ВЕЛИЧИИ столыпинского гения трудно сомневаться. Он принял Россию, которая была подобна продырявленному неприятелем кораблю, да еще и с бунтующей командой, палящей из захваченных винтовок и орудий по капитанской рубке. Его предательски убили тогда, когда страна обрела — за пять-то лет! — внутренний покой, мощь, уверенность в себе, вернулась в концерт великих держав.

Долгие десятилетия советская власть сравнивала собственные достижения с вождельным «1913 годом» как точкой отсчета. Но не будем забывать, что 1913-й был прямым продолжением 1909-го, 1910-го, 1911-го... Из тонущего, мятежного, морально устаревшего броненосца империя превратилась в современный боевой дредноут, наподобие тех, чье строительство премьер отстаивал в своих страстных речах, произнесенных в защиту большого флота.

Возможно, очень многие — и внутри, и во вне — несколько переоценили силы после-

столыпинской России, что как раз и лишило ее столь желанного Петром Аркадьевичем мирного двадцатилетия, ввергло в гибельную пучину новой войны, которой тот, несомненно, попытался бы избежать. Хотя и в этой мировой бойне держава показала себя несравненно достойнее, крепче, нежели в русско-японских баталиях.

Страна при Столыпине динамично развивалась, и премьер был убежден в ее великих резервах и славном будущем. Сколько бы ни честили его «реакционером», он лишь приговаривал: на легком тормозе и все время вперед. Верил в просвещение, прогресс, законность и право, неизменно подчеркивал — любые жесткие и чрезвычайные меры нужны лишь для того, чтобы поскорее водворить порядок, без коего невозможно развитие. «Реакция» же была тождественна грамотной работе национального иммунитета, отторгающего бациллы революционной чумы.

«В России поднялась волна реакции, реакция русского патриотизма и русского нацио-

П. Столыпин при представлении Николаю II крестьянских депутатов от Юго-Западного края. Киев, 1911

С министром
императорского двора
В. Фредериксом на борту
яхты «Штандарт». 1910

ФОТО: ИТАР-ТАСС

нального чувства, и эта реакция вьет себе гнездо именно в общественных слоях, общественных кругах, — предупреждал он оппонентов. — В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства».

Защита старую Россию, Столыпин строил новую и не боялся этого. В конечном счете именно он послужил нянькой, пестуном российского парламента. После двух неудачных опытов дело парламентской демократии обречено было погибнуть, стать исторической неудачей, но тут его взял в свои руки Петр Аркадьевич. Ввел новые избирательные законы. Добился формирования работоспособной и патриотичной по духу (в общем и целом) Государственной думы. Прививал как мог депутатам сознание их высокой миссии. Превратил Таврический дворец в трибуну для своих пламенных речей о Родине, праве, истории и нации.

Розанов совершенно верно отметил: Столыпин не просто подавал революцию военно-полевыми судами, армией, он разгромил ее идейно, парламентскими речами,

противопоставив беснованию борцов с самодержавием ясное национально-патриотическое и в то же время конструктивно-модернизаторское видение будущего. Оказался сильнее как оратор, мыслитель, человек воли и действия. Его «Не запугаете!» стало тем камнем, о который разбилась смута. А ранее с ней не могли справиться сотни пулеметов. Нет никакого сомнения в том, что он ушел победителем, и если бы не трагедия революции, то давным-давно считался бы одним из первых героев русской истории, заложивших основы национально-го процветания.

Но так как насильственная смена власти все же произошла, ненавистники Столыпина пытаются объявить его едва ли не виновником потрясений. Мол, не разрушь он общину, ничего бы такого не случилось. Перед нами клеветническая по сути своей выдумка. Обе революции 1917 года были городскими и солдатскими. Крестьянская стихия подхватила их лишь тогда, когда гигантский пожар уже вовсю пылал. Зато два десятилетия кряду большевистская власть пыталась выкорчевать из деревни кулачество, уничтожить того самого «хозяйчика», трудолюбивого, энергичного крестьянина, на которого делал ставку премьер-реформатор. Если четверть века спустя после его смерти комиссары все еще боролись с кулаком, значит, аграрные преобразования были далеко не напрасны.

Он шел к полному и окончательному триумфу, и именно поэтому его физическое устранение, вкуче с обильной посмертной клеветой из каждого антимоноархического рупора, стало единственным средством, чтобы Столыпин остановить. Последние годы жизни — это, по сути, крестный путь, начало коему положил подлый взрыв на Аптекарском острове в августе 1906-го, убивший 24 человека и оставивший навсе-

Саратовский губернатор
П. Столыпин принимает
рапорт у волостного
старшины села
Пристанного. 1904

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

гда инвалидом дочь премьера Наталью. Террористические банды, предназначенные для устранения Столыпина, создавались одна за другой. Он признавался знакомым: выходя утром из дома, никогда не знаю, вернусь ли. Фактически жил так, как обретаются в мире сем праведники: постоянно помнил о смерти и готовился к ней. И когда она пришла, когда одиночка сумел сделать то, с чем не справились целые боевые группы, Петр Аркадьевич оказался поразительно спокоен: «Ныне отпускаеши...» Перекрестил и благословил государя. И даже убийцу пожалел. Прошел путь мученика и принял кончину праведника на глазах у всей России.

Столыпин явил пример выдающегося государственного деятеля, мужественного человека и христианина пламенной веры. Всего этого, вероятно, не было бы без твердых и глубоких убеждений. Собственную политическую программу он основал не только на верности Родине и царю, но и на искреннем, открытом национальном чувстве, поставив таковое во главу угла многотрудной практической деятельности. Прекрасно осознавал, что с революцией, руководимой яростной, господствующей над человеком идеей, может бороться лишь другая идея — столь же страстная, безусловная, всепоглощающая. Пять лет столыпинской политики стали пятилеткой последовательного осуществления этой программы.

Национальное начало, по мысли русского премьера, должно подчинить себе все сферы пересоздаваемой на новых экономических и социальных принципах страны. «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы», — внушал он депутатам Госдумы, когда настаивал: Финляндия не есть государство в государстве, но органическая, купленная кровью наших предков часть Российской империи.

Он вырос на западной границе. Его семья достойно представляла русских помещиков в Литве. Юный Петр учился в гимназии в Вильно. Большой период служебной карьеры прошел в Ковно и Гродно, где он был губернатором. Некоторые авторы увидели в данных обстоятельствах основание для упреков: Столыпин, мол, не знал и не понимал Центральной России. Полная чушь.

Правда же в том, что пограничное положение выработало в нем обостренное самосознание русского человека. Он постоянно сталкивался с пренебрежением в отношении соплеменников, со стремлением урезать

Взорванная террористами дача П. Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. 1906

П. Столыпин со своей семьей на террасе Елагинского дворца. 1907

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

их права, с той польской и немецкой гордыней, о которой с возмущением рассказывал в «Письмах из Риги» и «Окраинах России» Юрий Самарин. Столыпин отлично понимал, что формальное, фиктивное равноправие в либеральном духе на западе империи не приведет ни к чему, кроме реального притеснения и даже порабощения русских.

Главная политическая мысль столыпинской эпохи была направлена на создание системы, которая всегда

и во всем клонилась бы к выгоде основной нации и ее конкретных представителей. Он систематически конструировал такую модель государства, где русские имя и честь, интерес и гражданство стояли бы на первом месте.

«Признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане», — ответил польским депутатам, жаловавшимся на то, что их якобы числят людьми третьего разряда.

Этой столыпинской ясности порой очень не хватает нам сегодня, когда политический класс зачастую страшится оказать предпочтение своим перед чужими. Мало того — стремится любой ценой ублажить вторых, лишь бы не жаловались. А русский мужик, дескать, проживет и так, потерпит. Как же далека подобная стратегия от политической философии Столыпина, не боявшегося прослыть «неполиткорректным», быть обвиненным в предоставлении русским преимуществ (заметим в скобках, более чем закономерных, оплаченных немалой кровью и беспримерными страданиями).

Именно на этой философии базировались и реформы в Финляндии, и выделение из состава Царства Польского русской Холмской губернии, и, наконец, знаменитый законопроект о земствах в Западном крае, омрачивший последние месяцы жизни премьера. Ему пришлось распустить Думу и Государственный совет, чтобы утвердить закон, наделявший русских преимущественными правами в земствах западных губерний, призванный положить конец всевластию польских помещиков. Удар в спину ему нанесли, помимо прочих, октябрист Гучков и правые в Госсовете, поставившие классовую солидарность с панями выше национальной.

«В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охране-

ния прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной границе на страже русских государственных начал», — так говорил он в своей последней речи перед Думой весной 1911 года.

В этих словах выражен еще один важнейший принцип его мировоззрения: убежденность в неразрывной связи русского народа и российского государства. Для Петра Аркадьевича наша страна всегда была, есть и будет государством национальным, а смысл ее государственности состоит прежде всего в

«Признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане»

охранении русского народа: «Когда в нескольких верстах от столицы и царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что ей было вверено».

Говоря о строительстве империи Петром, его тезка совершенно некорректно апеллирует даже не к национальному духу, а к чув-

ству крови: «Один, с морским флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой верой в Россию и ее будущее шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры... Кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну, а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи — в племена, племена — в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед».

Меньше всего Петр Аркадьевич захотел бы войти в историю в роли автора одной фразы: «Им нужны великие потрясения...». Слишком часто за последние десятилетия ее использовали в смысле «чего изволите», угодливо объявляя великой Россией все, что не связано с великими потрясениями.

Между тем у столыпинских слов был определенный контекст и вполне конкретный смысл. Великая Россия — не застойное болото без внутренних и внешних волнений, но Россия национальная, историческая, опирающаяся на собственные традиции, переходящая из великого прошлого в славное будущее, сохраняя при этом все лучшее и отбрасывая худшее. Для того и боролся он с сотрясателями основ: чтобы не позволить им соорудить «новое неведомое нам отечество», опирающееся на тотальный нигилизм.

Ну а полностью фраза, оставленная нам как завещание, звучит так: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Достояние

ФОТО: ВИТАЛИЙ БЕЛОУСОВ/РИА НОВОСТИ

Святослав Рыбас:

«За фигурой

Столыпина — века великой истории»

Андрей Самохин

В начале 1990-х в России парадоксально переплелись идейно-политическая «реабилитация» выдающегося царского премьера и разгул самых дурных, антигосударственных стихий, которые с образом Столыпина не только не коррелировали, но являли собой полную противоположность всему тому, что он делал и за что боролся. Первое основательное и одновременно популярное биографическое издание об этой исторической личности вышло у нас именно тогда, «в лихие девяностые», из-под пера известного отечественного писателя Святослава Рыбаса. Недавно «СВОЙ» с ним побеседовал.

СВОЙ: Почему Вы взялись за книгу о Столыпине?

Рыбас: Начал над этим работать в конце 80-х, когда в нашем обществе образовался страшный идейный вакуум. Всех равнодушных к судьбе страны людей тревожили вопросы: «Куда идем?», «Каковы ориентиры?», «Что главное?» А поскольку, как писал Шекспир, прошлое — черновик будущего, опыт российских реформ начала века никак нельзя было обойти. Первым делом я опубликовал очерк в «Литературной России». На него откликнулся из Парижа сын соратника Столыпина Кирилл Александрович Кривошеин. Он прислал

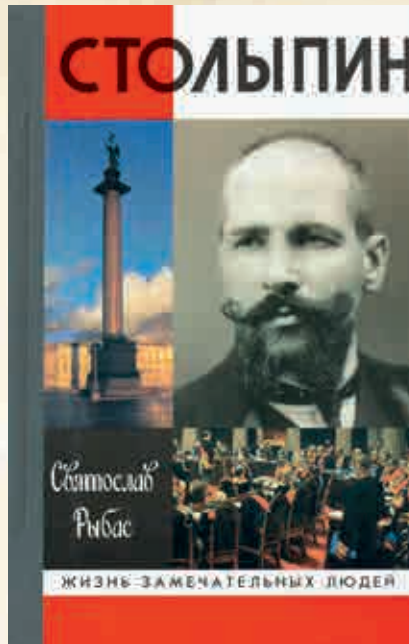
ПАМЯТНИК П. СТОЛЫПИНУ РЯДОМ С ДОМОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОСКВЕ

свою книгу об отце, на многое раскрывшую мне глаза.

Другие причины взяться за написание биографии были в следующем. Трагическая гибель премьер-министра в Киеве, его предсмертное крестное знамение, которым он осенил царскую ложу, предыдущие покушения — такое никого не оставит равнодушным. Чрезвычайно примечательны и семейные связи Столыпина. Он троюродный брат Михаила Лермонтова, сын героя Севастопольской обороны и Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, военного товарища Льва Толстого. Один из родственников Петра Аркадьевича был близким другом Михаила Сперанского, видного реформатора эпохи Александра I. За фигурой Столыпина — века великой, славной истории.

А появился он на авансцене в тот момент, когда в результате эксцессов первой русской революции держава находилась у пропасти. Оставим в стороне проблему финансирования революционных действий крупным отечественным капиталом, взглянем на ситуацию с позиции властей. За три года было совершено 26 628 террористических актов, погибли 669 человек, свыше 2000 получили ранения. Государственная дума, избранная весной 1906-го, оказалась малоспособной в плане конституционной деятельности. Да и царская администрация слабо представляла принципы парламентаризма, исходила из понимания многовековой сущности монархии: Россия как большая семья держится на патернализме самодержавной власти, на личности государя, неотделимой от заботы о народе.

Избранная Дума эту связь фактически рвала. С самого начала она отказалась осудить терроризм. Законодательное предложение депутата Михаила Стаховича, направленное против политических убийств, не прошло. лиде-

ры кадетов говорили: нельзя осуждать террор, ибо партия рискует утратить моральный авторитет. Мы вправе спросить сегодня: «Они что там, с ума посходили?» Наверное, так вопрошали больше века назад очень многие.

С другой стороны, вошедший тогда к нам иностранный капитал, рост промышленности, числа банков, активизация торговли породили новые, небывалые прежде обстоятельства. Академик Петр Струве раскрыл причины политической зависимости российского либерализма от западных банков: «один из устоев нашей конституции» — «внутренняя политическая и финансовая слабость России». Западные инвесторы требовали больших свобод. (Практически все российские банки контролировались европейскими финансистами.)

Петр Аркадьевич, призванный из Саратова, буквально вломился в столичную элиту, опираясь исключительно на поддержку царя.

СВОЙ: И тут же принялся за свои знаменитые реформы...

Рынбас: 9 ноября 1906 года произошло событие, которое можно считать рубежом в истории России: был обнародован указ импе-

ратора, освободивший крестьян от власти общины. Впредь они могли покупать землю по льготной цене в многолетний кредит. До 95 процентов такого займа оплачивало государство, в Крестьянский банк передавались казенные и принадлежавшие царской семье земли. При этом участки не продавались ни помещикам, ни сельским обществам — только в собственность крестьян. Большинство покупателей числились середняками и бедняками. Теперь в личном отношении они стали совершенно свободны. Столыпинская реформа наделяла землей именно крестьян, желающих расширить свои хозяйства.

Делая ставку на сильных хозяев, правительство не предполагало насильственного разрушения общины. Начался процесс ее адаптации к рыночной экономике — через развитие кооперативного движения. К 1914 году в стране существовали десятки тысяч кооперативов. В них люди приобретали опыт самостоятельного ведения бизнеса, самоуправления, диалога с властями.

Хотя имелась у этой медали и обратная сторона. Высвободившиеся в результате реформ миллионные массы крестьян не были заняты в промышленности, поскольку та не могла принять их в таких количествах. Избавленные от опеки общины, они становились базой будущего социального протеста. При этом внутренняя экономическая политика выжила из селян все соки.

Хлебная торговля от крестьянского двора до морского порта оказалась перенасыщена посредниками и ростовщическим капиталом. Это не только тормозило развитие аграрного сектора, но и лишало производителя необходимой и достаточной части продукта, удушало деревню. Скупка выращенного на корню, ценовые сговоры перекупщиков, выплата мизерных авансов под будущий

урожай — основные формы легального паразитирования спекулянтов. Если, скажем, в министерстве земледелия США имелось специальное бюро для сбора информации о хлебной торговле, то в России в важнейшем экспортном секторе царяла анархия. Ежегодно на вывозе зерна за рубеж посредники, среди которых доминирующую роль играл иностранный капитал, зарабатывали до 50 млн золотых рублей.

СВОЙ: *На какую из политических сил Столыпин мог опереться?*

Рыбас: На ту, что действовала бы в интересах всей России, а не ради узкопартийных целей и задач. Программа премьера предполагала не только земельную реформу, а целую законодательную «революцию»: законы о свободе вероисповеданий, неприкосновенности личности и гражданском равенстве, об улучшении кресть-

янского землевладения и быта рабочих, о государственном страховании, об усовершенствовании земского самоуправления, местного суда, средней и высшей школы, массового начального образования, введении подоходного налога, объединении полиции и жандармерии, новой территориальной организации по примеру американских штатов или германских земель. Кроме того, намечалась отмена ограничений для евреев. Столыпин лучше других осознавал главную проблему — необходимость укрепить государство и успокоить общество.

СВОЙ: *Но в какой-то момент взаимоотношения премьера с близкими к царю людьми, прежде всего с «финансовым блоком», стали резко ухудшаться. В чем главная причина?*

Рыбас: Укрепляя аграрный сектор, Столыпин бросил вызов финансовому миру, потребовал, что-

бы Крестьянский поземельный банк перешел в подчинение МВД и выпустил облигационный заем на колоссальную сумму — в 500 млн рублей.

Кирилл Кривошеин повествует о борьбе реформаторов с министром финансов Владимиром Кокцовым за создание настоящего инвестиционного банка для помощи сельскому хозяйству, остро нуждавшемуся в деньгах. Получив землю, крестьяне напоминали армию солдат без патронов; государству следовало сделать решающий шаг для их поддержки, обуздать хищничество экономически сильных. Однако чисто «бухгалтерский» подход Кокцова, считавшего, что главным для министерства является не экономическое развитие, а накопление золотого запаса, вел политику Столыпина в тупик.

Наш золотой резерв славился как самый большой в Европе, но

П. А. Столыпин в Государственном Совете на открытии заседаний в новом зале Мариинского Дворца.

что толку, если Государственный банк эмитировал недостаточное количество денег. «Россия была одной из редких стран, где сумма кредитных билетов в обращении была ниже суммы золотого запаса» (А.В. Кривошеин: его значение в истории России XX века. Париж. 1973).

«Громадную инертную массу», несмотря на острую нужду народного хозяйства в инвестициях, не использовали для разрешения острейшего противоречия между бурно развивавшейся промышленностью и примитивным земледелием. Если бы замысел Столыпина — Кривошеина оказался реализован, премьер стал бы экономическим диктатором, жизнь государства пошла бы в новом направлении. Однако преодолеть сопротивление финансовой элиты не получилось.

О влиятельности банкиров и банков вряд ли стоит много говорить. Василий Шульгин считал, что премьера убили в ответ на вмешательство в финансовые вопросы. Поэтому позиция Петра Аркадьевича была не столь прочной, как могло показаться. Да, он усмирил революцию, держа «в одной руке пулемет, а в другой — плуг» (выражение Шульгина), но чем дальше революционная смута уходила в прошлое, тем чаще слышалось антистольпинское роптание в окружении царя.

СВОЙ: *Каковы фактические итоги преобразований Столыпина?*

Рыбас: После его гибели реформы стали медленно сворачивать, наступал последний акт национальной трагедии. Не случайно на смерть героя, принципиального противника войны, громким «некрологом» отозвалась Петербургская биржа: там сразу началась игра на понижение, российские акции показали.

Результаты же реформ выглядели так. В 1914 году крепкие хозяева, в основном бывшие члены кре-

стьянских общин, производили половину товарного хлеба. Вклады и их остатки в коммерческих банках с 1908-го по 1914-й выросли больше чем втрое. К 1916 году одни только крестьяне вложили 2 млрд золотых рублей. С 1904-го по 1913-й прирост промышленного производства составил 88 процентов. С 1906-го по 1913-й расходы на образование увеличились в 10 раз. Начальное образование стало доступным и обязательным, в средней школе вводилась профессиональная подготовка. Рост экономики был настолько впечатляющим, что присланный французскими банкирами эксперт Эдмон Тэри в своем отчете «Россия в 1914 г. Экономический обзор» отметил: «Именно сельскохозяйственные успехи России позволили этой великой стране преодолеть финансовые трудности, вызванные войной 1904 года и политическими событиями 1905 года, и именно они позволят России в будущем пойти на необходимые жертвы, чтобы освоить гигантские территории и защитить свои границы...»

И главный вывод француза: если Россия будет развиваться такими же темпами, как между 1900-м и 1912-м, то к середине XX века станет доминировать в Европе в политическом, экономическом и финансовом отношении.

Трудно сказать, в какой степени верной была эта оценка эксперта. Милитаристская гонка, куда втягивали империю, уже требовала не столько юнкерского аграрного капитализма, сколько решительной военно-промышленной политики.

Об исторических взаимосвязях мы упомянули выше. Так вот, в январе 1914 года Александру Кривошеину удалось ввести стратегическое планирование в иное русло. Объявленный с его подачи «Новый курс» министра финансов Петра Барка увеличивал капиталовложения в народное хозяйство.

При этом осуждалась прежняя система, «которая наполняет государственное казначейство ценой разорения, духовного и хозяйственного, всего народа». Стратегия радикально менялась: финансовая система империи должна была работать «на началах производительных сил». Более того, принимались пятилетние (!) планы земельных улучшений, расширения на 50 процентов сети железных дорог, включая Турксиб и Южно-Сибирскую магистраль, решения о строительстве электростанций на Днестре и Волхове. Все это было осуществлено уже в СССР. А в тот момент до начала Первой мировой войны оставалось восемь месяцев.

СВОЙ: *Насколько разумна версия об антистольпинском заговоре, устроенном высшими кругами перед убийством премьера?*

Рыбас: Такого не было. Заговор верхов произошел в 1916 году и завершился Февральской революцией.

СВОЙ: *Увечье руки Петра Аркадьевича — следствие поединка с убийцей его старшего брата? Отмечены ли схожие дуэли?*

Рыбас: Да, в тот раз он действительно стрелялся, был ранен в руку. Других случаев подобных сатисфакций с его участием как будто не зафиксировано. Хотя всем известно, как он без раздумий прислал вызов кадету Родичеву за брошенное обвинение в «стольпинских галстуках». Тот отказался стреляться и принес извинения.

СВОЙ: *Каким, на Ваш взгляд, был Столыпин-человек?*

Рыбас: Умным, бесстрашным, бескорыстным, патристичным, образованным, миролюбивым. Человеком долга. Во всех смыслах — русским. Вольно или невольно возникает в умах современников вопрос: есть ли сегодня в России такие личности и нужны ли они вообще? Мой ответ: есть и позарез нужны.

Философ о философе

И. Владимиров. «Бегство буржуазии из Новороссийска». 1920

Сочти число зверя

Олег Ермишин

Спустя сотню лет после российских событий 1917 года очень многое в нашем национальном сознании поменялось, стерлось. Практически канул в Лету кровавый образ революционной смуты, за коей числятся сотни тысяч жертв, лежащих в безымянных могилах. Опять время от времени культивируется миф о такой революции («оранжевой», «бархатной», твиттерной и т.п.), которая якобы может изменить жизнь масс к лучшему, принести людям счастье. Формула «История никого ничему не учит» остается, похоже, актуальной до сих пор. Поэтому к отечественным мыслителям, имевшим личный опыт участия в перевороте, обращаться сегодня крайне необходимо. Особенно стоит прислушиваться к тем из них, кто встретил социальные потрясения лицом к лицу, а затем попытался осмыслить их сущность и происхождение.

Е. Трубецкой с семьей. 1892

ЕВГЕНИЯ Трубецкого (1863–1920) отличал редкостно трезвый, взвешенный взгляд на современные ему процессы и феномены. Он известен не только своими яркими религиозно-философскими трудами, но и активной публицистической, а также политической деятельностью. В 1905-м являлся одним из основателей Конституционно-демократической партии, из которой вскоре, разочаровавшись, вышел, сочтя ее программу форменным доктринерством. Помимо того, Трубецкого настораживала все более усиливавшаяся левизна партии. В 1906–1910 годы Евгений Николаевич был редактором-издателем «Московского еженедельника», где опубликовал большое количество материалов с откликами на самые злободневные вопросы эпохи.

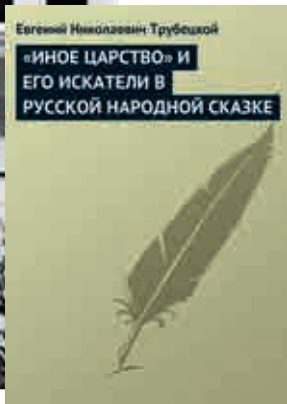
Увы, многие статьи оказались пророческими. В 1918-м шесть вошли в сборник «Два зверя» (М., 1918), а сам автор охарактеризовал их так: «Они освещают современные события как продолжение и развитие единого исторического процесса, объединяющего обе революции». Евгений Трубецкой предчувствовал национальную катастрофу задолго до 1917-го, предвидел ее, анализируя исторические закономер-

ности. Чтобы лучше понять, на каком фундаменте зиждутся те предсказания, обратим внимание на работу «Древний философ на современные темы. Беседа с Платоном».

Частично пересказывая книги 7 и 8 платоновского «Государства», Трубецкой объясняет, как из олигархии рождается демократия, а из последней — деспотизм. Довольно иронично замечает при этом, что Платон в разговоре о русской действительности несколько тенденциозен, поскольку «знаком только с демократией «большевистского» типа». Знаменитый грек полагал, что жажда свободы приводит «власть народа» к неизбежному вырождению в тиранию: «Опьяненная сверх меры беспримесным вином свободы, демократия в конце концов обрушивается против правителей, если они недостаточно мягки и не дают широкой свободы: она наказует их как преступников и олигархов. Тех же, кто подчиняется властям, она презирает как рабелепных и ничего не стоящих; публично и в частной жизни она воздает хвалу и честь равенству властителей с подвластными и подвластных с властителями».

Трубецкой почти не комментирует, а просто цитирует Платона, однако подбор цитат не оставляет сомнений в том, с какой целью он сделан. Наш мыслитель не открывает ничего нового, лишь указывает на исторический закон, сформулированный почти две тысячи лет назад: одна крайность легко переходит в другую — чрезмерная свобода трансформируется в откровенное рабство.

Некоторые немудреные, однако очень полезные выводы Евгений Николаевич сделал в статье «Буря»: принципиально важны не только исторические законы, но и традиционные правила народной жизни; Россия имеет предрасположенность к таким специфическим болезням, которые лечить чрезвычайно трудно, но этому обязательно нужно научиться. Философ пишет: «Безумие нашей революции, как и безумие нашей

реакции, обуславливается, главным образом, одной общей причиной — тем, что у нас личность еще недостаточно выделилась из бесформенной народной массы. Этим обуславливаются внезапные резкие переходы от полной неподвижности и косности к стихийному бунтарству, от наивной покорности к столь же наивному революционному утопизму. От этого зла есть только одно спасение — развитие сознательной личности».

Образование и стремление к высшим ценностям культуры в состоянии исправить плачевную ситуацию, общность личностей с хорошо развитым сознанием способна победить опасную социальную болезнь. В этом Трубецкой отчасти солидарен с Платоном, завершающим книгу 9 «Государства» рассуждением о том, что идеальное государство (пусть на земле его нигде нет) существует на небесах, в принципе — как образец, согласно которому человек разумный может устроить самого себя и свою общественную жизнь.

После того как все мрачные предчувствия русского философа сбылись, в 1919-м он выступил с публичной лекцией «Великая революция и кризис патриотизма». По его мнению, события 1918 года в Германии показали, что революция есть мировой процесс, когда «из милитаризма рождается большевизм». Длительная вражда между представителями разных социальных слоев, бессмыслица государственной жизни приводят к тому, что народ обращает оказавшееся в руках оружие не в сторону внешнего противника, а против внутреннего врага. Разложение государства и нации как единого целого естественным образом вызывает кризис, а затем катастрофу.

Духовная целостность страны была нарушена задолго до революции. Трубецкой считал, что в экономизме (экономическом материализме), заменившем духовные ценности, уже содержится серь-

езная болезнь, и ее развитие привело к тому, что классовая выгода стала для людей важнее Родины. Они поддались искушению — обещаниям построить рай на земле. Коллективный эгоизм повлек за собой социальный распад. По мысли философа, большевизм — это не только коммунистические теории, но и «фактор общественного гниения». Какую же альтернативу видел Евгений Трубецкой? Он писал: «Имущие и неимущие, хозяева и рабочие, землевладельцы и зем-

ледельцы, могут составлять единую нацию, лишь поскольку они связаны между собою некоторым духовным единством, которое возвышается над противоположными экономическими интересами некоторой общей национальной святыней, во имя которой и класс, и личность должны поступаться своими выгодами».

Среди ужасов Гражданской войны главным признаком единства нации ему виделось восстановление патриархства, а свои на-

дежды на будущее духовное возрождение он связывал с главой Русской церкви, направляющим православный народ.

Рассуждения Трубецкого могут показаться идеалистическими, не учитывающими всей сложности исторического и общественного развития. Однако не следует забывать: свой духовный идеал он сберег в самый тяжелый период национальной истории, невзирая на торжество в человеке животного начала, раскрывшегося во всей полноте после провала всемирной культуры, — этой теме посвящена лекция «Звериное царство и грядущее возрождение России», вышедшая отдельным изданием в Ростове-на-Дону в 1919-м. «Звериному царству» большевизма Евгений Николаевич противопоставил ценности самого высокого порядка, заметив, что возвращение к ним открыто и для каждого отдельного человека, и для народа в целом.

Трубецкой не был каким-то отвлеченным мыслителем, стоявшим над схваткой и лишь дававшим оценки современным ему процессам. Почти целый год (до сентября 1918-го) он участвовал в деятельности подполья в Москве. Когда пребывание в ней стало опасным, бежал на Украину. В Одессе вел переговоры с союзниками, различными общественными и политическими организациями, стремясь объединить течения, противостоявшие большевизму. С сожалением вынужден был признать, что для многих деятелей осталась неизжитым пафос дореволюционной оппозиции: «Прежде всего демократия, потом уже Россия. Еще хорошо, если ее очередь приходит хотя бы после демократии. Чаше встречаются такие типы, которые молятся на демократию и совершенно забывают о России. Они боятся патриотизма, ко всякому патриотическому движению и чувству они подходят с вопросом: «а демокра-

тично ли оно», и при этом боязливо озираются налево».

Сам он не смог пережить все события революции и Гражданской войны. Умер в январе 1920 года от тифа в Новороссийске, при отступлении Добровольческой армии. Но перед этим успел описать собственные скитания — с сентября 1918-го по июнь 1919-го — по различным городам бывшей Российской империи (Брянск, Гомель, Киев, Одесса и т.д.). В книге «Из путевых заметок беженца» дал картины того, что видел своими глазами: общественное разложение России, вызванное ее демо-

Духовная целостность страны была нарушена задолго до революции. Классовая выгода стала для людей важнее Родины. Они поддались искушению — обещаниям построить рай на земле

кратизацией после Февральской революции, развитие большевизма как тяжелого недуга.

Как признавал Трубецкой, от жизни на Украине у него осталось «впечатление тяжкого сна». Он наблюдал смену фантастических видений, поражавших своей призрачностью: «Не призрачным, реальным был тот хаос, который грозит похитить всякую государственность в мире». Однако на фоне этой вакханалии радовали отдельные встречи, которые убеждали его, что надежды на достойное будущее Родины еще не потеряны. Например, получив случайный ночлег в старообрядческом доме, увидел «уголок старой России, сохранивший Божий мир».

Трубецкой с его верой в возрождение Отечества был, в сущности, одинок, окружен в основном политиками, страдавшими упад-

ком духа и объятыми страхом. Полагавшими, что коль скоро Россия погибла, то для восстановления порядка в отдельных областях бывшей империи надо делать ставку на немцев, англичан, французов и прочих иноземцев, то есть спасать власть и имущество любой ценой, даже путем отречения от величия и единства державы. Этим общим настроением он объяснял сделку с германцами и создание во главе с гетманом Скоропадским самостийной Украины, похороненной сразу же после ухода немецких войск.

Много горечи и разочарования встречается в его заметках, проникнутых особенно тягостными впечатлениями от пребывания в Одессе. Трубецкой критикует близорукость и бессилие постоянно заседавших русских политиков, двойственность и лицемерие бывших союзников, думавших прежде всего о собственных интересах, а не о спасении чуждой им России. Затрагивает и тему одесской интеллигенции, которую он считал гнилой, мертвенной, полностью лишенной патриотизма, пребывающей в рабстве «перед заученными казенными формулами современного демократизма». Евгений Николаевич назвал «напрасной мечтой» надежду на то, что русская революция хотя бы чему-то этих людей научила.

Вывод философа в путевых заметках был крайне неутешителен: Россия обречена пережить большевизм как эпидемическую болезнь, ибо всякие политические рецепты излечения бессильны. Вместе с тем его вера в духовное единство страны осталась неизменной: «Не все в ней погибло. Есть в ней великие непобедимые духовные силы, есть люди, неспособные капитулировать перед злом и умирающие за правду... Чтобы спасти Россию, надо прежде всего поверить в правду Божию и в нее как поборницу этой правды».

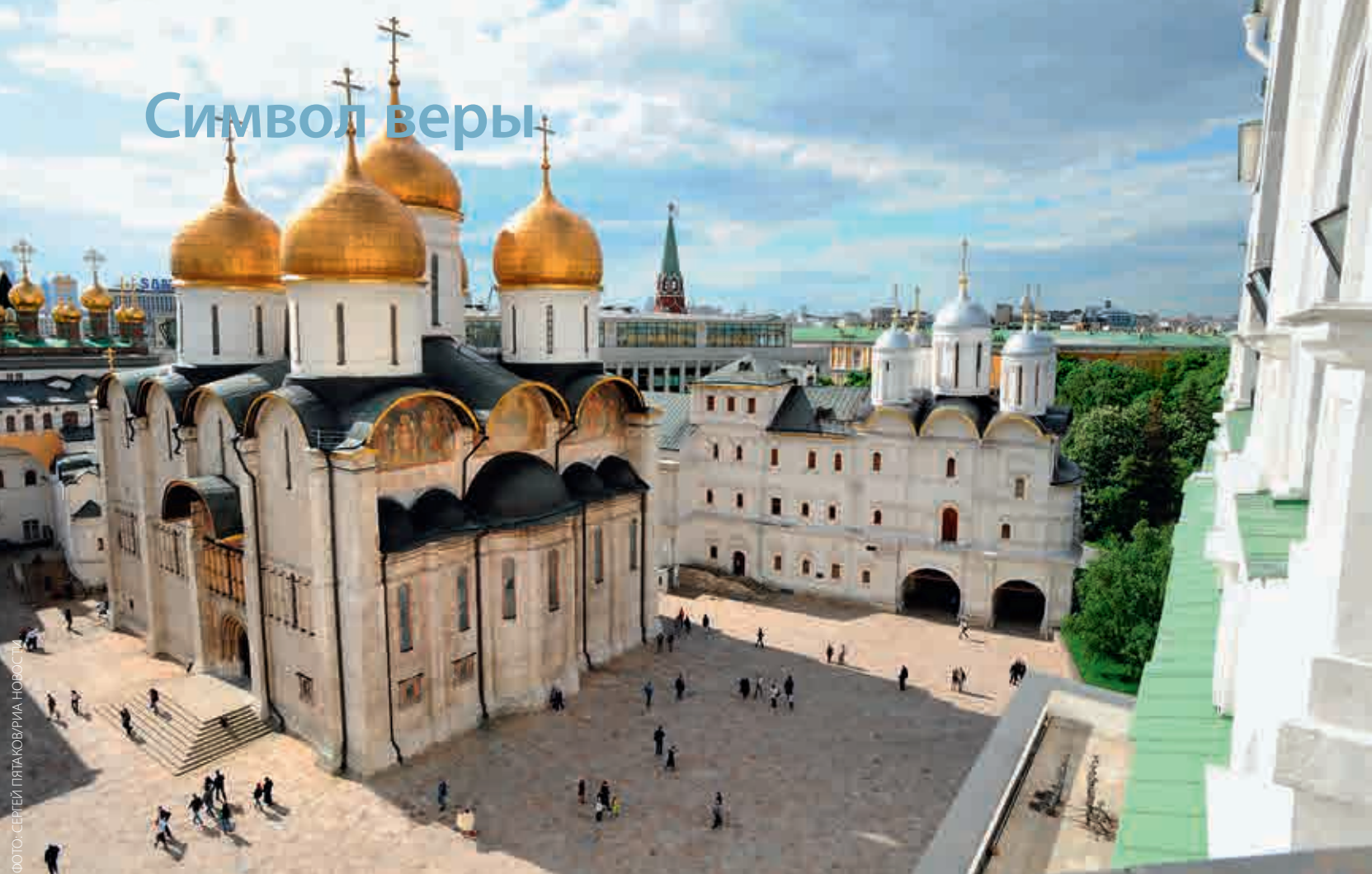

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Первый престол

Ольга Марьяновская

Историческая и духовная ценность этого храма такова, что с ним едва ли может сравниться любое другое культовое сооружение России. Место коронации императоров и погребения выдающихся православных иерархов, главный собор до смуты 1917 года и патриарший кафедральный в настоящее время. В своем нынешнем величавом облике он был возведен 540 лет назад.

ТРАДИЦИЯ строить храмы во имя Успения Божией Матери зародилась в нашем государстве в XI веке, начиная с закладки Успенской церкви в Киево-Печерском монастыре мастерами, пришедшими из несохранившегося донныне Влахернского храма Константинополя, где находились ризы Богородицы. В Москве, на Соборной площади Кремля, первый каменный Успенский собор был сооружен при Иване Калите. Его освятили в августе 1327-го накануне большого престольного праздника.

Ко второй половине XV столетия Златоглавая возвысилась и укрепилась настолько, что статус державной столицы ни у кого не вызывал сомнений. Русская церковь обрела фактическую независимость от павшей Византии, а идеология «Москва — Третий Рим» уверенно завоевывала умы и сердца православных людей. Именно тогда великий князь, государь Иван III решил возвести вместо старого обветшавшего здания грандиозный собор, соответствующий новой миссии нашего христианского царства, который бы не уступал величию и красотой знаменитому памятнику домонгольской архитектуры — Успенскому собору Владимира.

В 1472 году работы поручили зодчим, известным ныне под фамилиями Кривцов и Мышкин. Сооруженная под их началом церковь внезапно обрушилась — из-за некачественных стройматериалов и, как сказано в летописи, из-за «труса», землетрясения, случившегося в 1474-м.

Для нового строительства пригласили опытного, маститого специалиста с Апеннин. На этот выбор вполне могла повлиять София Палеолог, выросшая и воспитанная в Риме при папском дворе. Посол Семен Толбузин сумел договориться с архитектором и инже-

нером Аристотелем Фиораванти. Весной 1475-го тот, вместе с сыном Андреа и помощником Пьетро, прибыл в Москву. Шестидесятилетний мастер был видным представителем Ренессанса, обладал широкими познаниями в различных областях, занимал должность старшины лоджии каменщиков Болоньи. Он с успехом возводил фортификационные сооружения, спрямлял русла рек, делал шлюзы в Италии и мосты в Венгрии. Особенную славу ему принесли сложнейшие строительные операции по перемещению колоколен, вы-

прямлению покосившейся башни в Мантуе.

Под руководством итальянца руины прежней постройки мигмом разобрали. В окрестностях Москвы, близ Андроникова монастыря запустили завод по изготовлению прочного стандартного кирпича. С берегов реки Пахры завезли белый камень. Поскольку Иван III и духовенство желали, чтобы новый храм отвечал древнерусским традициям и повторял облик владимирского собора, Фиораванти отправился в длительное путешествие, намереваясь досконально изучить осо-

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

Ж. Беккер. «Коронация Александра III и Марии Федоровны в Успенском соборе Московского Кремля». 1888. Фрагмент

СИМВОЛ ВЕРЫ

бенности православной архитектуры Руси. Побывал во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Ярославле, Вологде, Великом Устюге, Каргополе, Великом Новгороде, на Соловках и побережье Белого моря. Этот вояж он совершил с проводником, став первым со времен викингов европейцем, проделавшим столь длинный и, в сущности, нелегкий путь. Немало впечатлившись увиденным, создал проект пятиглавого собора, где творчески соединил приемы традиционного русского зодчества и архитектуры Возрождения. Строительные работы шли быстрыми темпами. Применялись точные расчеты и самые передовые по тем временам технологии — подъемная машина, разборная опалубка и многое другое. При закладке фундамента использовали антисейсмические конструкции из дубовых свай, а вместо принятых на Руси связей-балок из дерева — металлические. Кирпичная кладка сочеталась с белокаменной, раствор, которым она скреплялась, отличала особая прочность. Современник событий писал так: «И яко наутро засохнет, то ножом неможно расколупати».

К 1477-му колоссальное шести-столпное здание с пятью апсидами построили. Еще два года ушло на внутреннюю отделку. В августе 1479-го митрополит Московский Геронтий торжественно освятил храм. Очевидцев поразила его красота и гармония. Успенский собор стал главным сооружением Кремля, образцом для подражания зодчих последующих столетий. Его мощное пятиглавие впредь олицетворяло великую национальную архитектуру и неуязвимую славу столицы. Наружные росписи в дальнейшем многократно обновлялись, переписывались вплоть до начала XX века. Тем не менее не исчезло сакральное содержание первых фресок, и по сей день отражающих главную, незыблемую идею: русская церковь — хранительница православия.

Фреска «Богоматерь умиление» над порталом Успенского собора

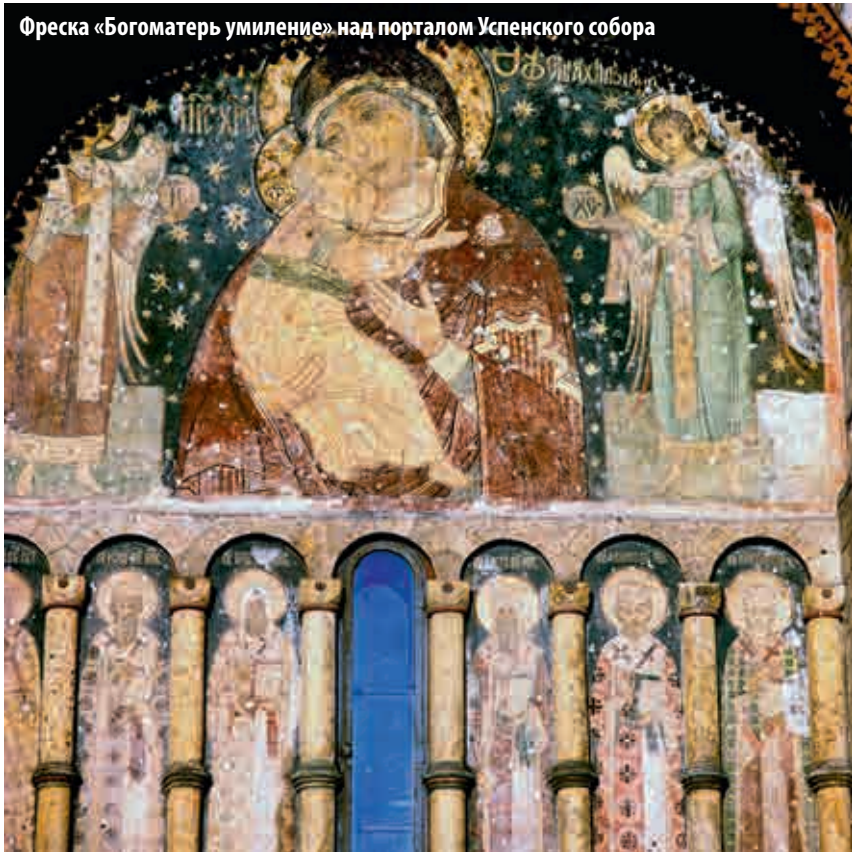

ФОТО: ЛЕВ НОСОВ/РИА НОВОСТИ

Феодоровская икона Божией Матери

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Современный вид интерьера сложился в середине XVII столетия. Центральную часть собора занимают росписи 1642–1643 годов: 249 сюжетных композиций и 2066 отдельных фигур. Они были исполнены по контурам предыдущей живописи — 1515 года. До нас дошли лишь фрагменты подлинных изображений 1481–1482

годов, вероятно, принадлежащие кисти Дионисия и художников его круга: на алтарной преграде, в недоступных для осмотра туристами помещениях алтаря, в Похвальском и Петропавловском приделах. Сегодня это самые древние фрески, сохранившиеся в Москве. Четыре верхних ряда основного иконостаса появились еще в 1653-м — по заказу патриарха Никона. Нижний ряд, а также северный и южный пристенные иконостасы составлены из уникальных произведений XI–XVII веков, созданных для кремлевских соборов в Белокаменной и привезенных великими князьями из прочих древних городов. Наиболее известны храмовая икона «Успение», «Спас Ярое Око», «Спас Златые Власы», двусторонний образ «Богоматерь Одигитрия» и «Святой Георгий».

Кроме того, в северном иконостасе размещены иконы из Соловецкого монастыря. Рядом находятся богато украшенные шатры — модельные места для главы церкви, царя и царицы. Освещают собор

одиннадцать бронзовых позолоченных паникадил XVII века и одно серебряное, изготовленное в 1817 году из 328 килограммов серебра. Благородный металл был отбит казаками у французов, которые во время своего бесславного пребывания в Москве уничтожили прежнее паникадило.

В XIV–XVII столетиях собор, повторимся, служил местом упокоения русских святителей. Захоронения находятся «под спудом» — под полом. В XVII веке над ними соорудили надгробия, а мощи глав русской церкви, причисленных к лику святых, пребывают в серебряных раках в самом храме. Здесь возводили на кафедру московских митрополитов, совершались интронизации патриархов, хранились документы государственной важности, реликвии.

В 1547-м в этих стенах венчался на царство первый русский царь Иван IV. И все последующие коронации происходили в Успенском соборе. За свою историю он не однажды страдал от пожаров, грабежей, был осквернен и разорен солдатами Наполеона. Однако большинство святынь все же удалось сберечь, многое из спасенного теперь находится в Оружейной палате и Третьяковской галерее.

Собор входит ныне в состав Музеев Московского Кремля. В 1990-м он вновь получил статус патриаршего. В дни главных церковных праздников в нем совершаются торжественные богослужения. Сейчас здесь началась масштабная реставрация. План комплексных работ расписан до 2023 года.

Как отметил хранитель Успенского собора Алексей Барков, сравнительно недавно в храме утеплили своды, используя для этого современные высокотехнологичные материалы. Высоко оценил он и работу сотрудников Межобластного научно-реставрационного художественного управления, учеников выдающегося реставратора

Владимира Сарабьянова, которые очистили от пыли, промыли и укрепили стенопись. Но впереди ожидается немало трудностей. Алексей Геннадьевич рассказал «Своему» о том, что предстоит сделать для уникального памятника архитектуры и национальной истории в ближайшем будущем:

— Последний раз храм реставрировали в 1970–1980-е, то есть довольно давно. Вообще же реставрация подобных объектов сродни медицине — не всегда можно предвидеть побочные эффекты. Сложнейшие методики отрабатываются годами, что-то подходит, что-то — нет. Мы, конечно же, делаем все возможное для надлежащего сохранения собора. В нашем музее есть свои реставраторы, постоянно следящие и за самим зданием, и за всем, что в нем находится.

По словам Баркова, несмотря на всемирную славу храма, многое о нем до сих пор неизвестно. К примеру, мало изучены помещения алтаря. В ризнице, в межэтажном перекрытии обнаружались фрагменты живописи XV столетия, требующие тщательного исследования.

— Самая первая «реставрация» осуществлялась еще в 1620-е, своды тогда пришлось полностью переукладывать. Обновлялась к каждой коронации стенопись: ее очищали от пыли и свечной копоти, а потом фактически рисовали заново. Росписи XVII века были сделаны по сухой штукатурке, из-за чего их состояние хуже, нежели у фресок XV столетия, выполненных по сырому слою. Иногда древнейшие произведения сохраняются гораздо дольше, чем те, что создавались позднее: наши далекие предки, как видно, строили и украшали свои храмы более тщательно, — резюмирует хранитель.

К 700-летию Успенского собора, которое будет отмечаться через десять лет, Музеи Московского Кремля выпустят собрание подробных каталогов икон и стенописи старейшего здания столицы. Уже вышел третий том, посвященный иконописи XV–XVI веков, следующий будет содержать изображения произведений XVII — начала XX столетия. Как утверждает Алексей Барков, столь полного и качественного издания еще не было в нашей истории.

Патриарх Кирилл во время божественной литургии в Успенском соборе

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Выплывали расписные

Валерий Шамбаров

Прославление Степана Разина началось в XIX веке. В советский период у нас даже выработался стереотип, связанный с изображением его восстания как классовой, крестьянской войны. Однако факты показывают иное: события, начавшиеся три с половиной столетия назад, всецело соответствовали знаменитому пушкинскому изречению «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!». Причем совершенно точны тут оба эпитета: не просто беспощадный — жестокий, кровавый, — но и явно бессмысленный.

ТРУДЯСЬ над «Капитанской дочкой», Пушкин, конечно же, следовал собственному правилу — уважать «историю наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Прямой продолжатель «дела Разина» Емельян Пугачев показан в романе не как законченный злодей, а как спорная личность, способная при всей своей кровожадности на гуманные поступки. С образом Разина, если вдуматься, все обстоит точно так же: нужно лишь взвесить на весах добра и зла, чего в его действиях было больше. Вторая чаша очень сильно перетянет.

К тому же необходимо учесть: разинские походы пришлось на время одного из самых страшных явлений отечественной истории, Раскола, подкинув в пламень новой русской смуты прорву горячего материала. Но... перейдем от рассуждений к фактам.

Царь Алексей Михайлович право казаков на самоуправление признавал, с неписанным законом «С Дона выдачи нет» мирился. Потому-то и стекались туда разношерстные беглые. Казачьи привилегиями пользовались лишь те, кто проявил себя в деле и был поверстан на кругу. Прочие, «бурлаки», зарабатывали на жизнь кто чем сможет. Казаки воевали с Польшей,

отвлекали на себя силы союзника поляков, Крымского ханства. Возвращались из тех, обычно морских, походов с богатой добычей.

В 1667-м был подписан мир, и царь запретил подобные рейды. На весеннем войсковом круге, помимо прежнего атамана Корнилия Яковлева, выдвинул свою кандидатуру Степан Разин. Предлагал плюнуть на запрет, идти «за зипунами». Большинство казаков отказались нарушать государеву волю и переизбрали Яковлева. Разин не подчинился, созвал к себе недовольных и поверстал в казаки бурлаков. Его крикнули альтернативным атаманом и начали строить лодки. Подсуетились воронежские купцы Гордеев и Хрипунов, ссудили порох и свинец под будущую поживу. Яковлев же, прознав об этом, перекрыл в низовьях Дона дорогу флотилии.

Тогда Разин отправился назад и перемахнул на Волгу. Здесь разграбили караван судов с хлебом и прочими товарами. Гребцами и холопами пополнили свой отряд, а с купцами и охраной расправились зверски. Степан лично сломал руку одному монаху, затем приказал его утопить. Когда из волжских городов стали стягиваться воинские контингенты, воры проскользнули протоками мимо Астрахани, на Каспий. Разорили рыбные ловы, повернули на Яик (Урал). Счесть их борцами за свободу тогда было, прямо скажем, проблематично. К примеру, напав на ногайцев, они отбили партию пленных, угнанных с Руси. Мужчин взяли в войско, а женщин и детей... перепродали калмыкам.

Яицкий городок закрыл перед Разиным ворота. Однако атаман упросил принять несколько человек, дабы те помолились в церкви. Их выпустили, и через некоторое время туда ворвалась вся банда. Учинила бойню. Городской стрелец Чикмаз, согласившийся быть палачом своих товарищей, обезглавил 170 человек. Остальным стрельцам гарнизона Стенька предоставил

П. Фюрст. «Степан Тимофеевич Разин». Гравюра. 1671

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

выбор — присоединиться к нему или уйти в Астрахань. Почти все предпочли второе. Их, безоружных, в пути догнали и перерезали. Разбойники зимовали в Яицком городке, обчищали местных казаков. Даже спустя полтора века, когда Пушкин собирал на Урале материалы о Пугачеве, Разина там вспоминали с проклятиями и чуть ли не омерзением.

Власти по весне приступили к подготовке военной экспедиции из Астрахани, но воры на 24 стругах ушли на Каспий. К ним добавилась ватага Сережки Кривого. Промышляли до следующего лета. Внезапно налетали с моря на кавказские и персидские города, грабили, а когда против них собирались войска, уплывали прочь. Персы выслали флотилию Мамед-хана. Разинцы их суда подожгли, а после, набрав сказочную добычу, надумали возвращаться домой.

В Астрахани поджидали воеводы, сил было немало — 4,5 тыс.

стрельцов, 500 орудий. Но в это время произошел мятеж казаков на Украине. Глава Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин опасался, как бы не возмутился и Дон. Приказал решить проблему миром, если злодеи покаются и пообещают впредь не безобразничать.

Воевода Семен Львов вышел на встречу Стеньке на 36 стругах. Банда пустилась наутек. За ней гнались 30 верст и к великому удивлению воров объявили им о милости. Разумеется, те охотно покаяться. Явились в Астрахань триумфаторами, в шелках и бархате, отдали властям половину трофейных пушек и часть пленных, устроили грандиозную гульбу, соря деньгами и драгоценностями. Их сумели выпроводить только через месяц, запретив заходить в другие города. Но они проигнорировали требование. Принялись кутить в Царицыне, «учиняли дурости и воровство». Там гарнизон был маленький, сладить с охальниками не мог. Разбуя-

А. Грошев. «Войска Степана Разина штурмуют город Симбирск»

нившийся Разин таскал за бороду воеводу, грозил смертью. Часть воинства Стеньки разбрелась кто куда. Атаман и полторы тысячи человек вернулись на Дон, построили себе городок на реке Кагальник.

Разин спускал награбленное всю зиму. Огромную выручку получили воронежские купцы-спонсоры, да и местным казакам сперва выделась сплошная выгода. За вино, продукты Стенька платил щедро. О нем разошлась молва, на его кутежи собрались 4–5 тысяч душ всякой вольницы, начали терроризировать казаков. Последние забеспокоились, на круге в 1670-м жаловались на смутьяна царскому послу. Стенька явился туда со всей ордой, посла Евдокимова утопил, атамана Яковлева обратил в бегство. Однако и положение Разина стало щекотливым: добычу-то уже пропили, собравшееся «войско» могло разойтись. Атаман понимал, что донцы при всяком благоприятном случае припомнят ему бесчинства. Выход оставался единственный — раздуть большую смуту. Разин объявил, что намерен идти на Москву, воевать «изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей» и дать свободу черни.

К нему присоединился еще один самостийный атаман, Васька Ус,

армия достигла 7000 человек. Начали рассылать по Руси «прелестные письма». На Волге не забыли прошлогодние попойки Степана, его швыряние деньгами, и это оказалось заразным, царские ратники завидовали разбойникам. Стрельцы переходили на их сторону, открывали ворота городов. В Астрахани мятежники отметились крайней жестокостью. Вакханалия длилась три недели. Пили, насиловали, а любого, кто не нравился, подвергали пыткам и предавали смерти лютой. Людей резали, топили, вешали, рубили им руки и ноги, а потом отпускали ползать, истекая кровью.

С Усом Разин рассорился, и они разделились. Васька остался «воеводой» в Астрахани, Стенька повел 10 тысяч мятежников вверх по Волге. Оригинальных лозунгов не выдумал, пытался взбунтовать народ с помощью самозванства. Лжедмитриев не нашлось, тем не менее по Волге с войском шла барка, обитая красным бархатом, на которой будто бы везли царевича Алексея Алексеевича (сравнительно недавно умершего).

Иногда всплывает версия о том, что восстание было связано с Расколом, с антиправительственной деятельностью старообрядцев. Это ошибка. За красной двигалась

вторая барка, обитая черным бархатом, и на ней якобы везли патриарха Никона, ранее сосланного. То есть ни о какой войне за веру, за каноны древнего благочестия не могло идти и речи.

Утверждалось, что царевич и церковный иерарх выступали против властей: мол, первый не умер, а сбежал от отца, второй же сумел освободиться из заключения...

Саратов и Самара встретили Разина хлебом-солью, но это не спасло их жителей от грабежей и кровавых оргий. Всех дворян, чиновников, богатых горожан истребляли. Из состоятельных семей в живых оставляли только девушек и молодых женщин, атаман «венчал» их со своими громилами, обводя вокруг дерева.

Все документы и архивы сжигались: Стенька не терпел никакого письма. Крестьян и городскую чернь скопом верстал в казаки, делил на десятки и сотни, а органом управления провозглашал круг. Двигались быстро, земли по Средней Волге лежали еще пустынными. Лишь севернее вступили в густонаселенные районы. Здесь-то полыхнуло в полную силу. Поднимались крепостные, возникали отряды мордвинцев и чувашей, разохотившихся пограбить. Повсюду формировались сборища под водительством самостоятельных вожakov — Осипова, Харитонова, «старицы» Алены, Федорова, Пономарева. Они захватили Корсун, Саранск, Темников, Алатырь, Курмыш, Макарьев монастырь, Нижний и Верхний Ломов.

Правительство уже принимало меры, перебрасывало в Поволжье воинские части под командованием боярина Юрия Долгорукова. Под Симбирском Разин впервые встретил организованное сопротивление и не смог взять город. На помощь осажденным выступил корпус князя Юрия Барятинского. Атаман двинулся навстречу, но в октябре 1670-го под Свяжском Барятинский разинцев разгромил.

Степан был дважды ранен, что подорвало славу характерника, которую он же и распускал: будто бы мог заговаривать вражеское оружие, и его не брали ни пули, ни ядра. После этого повстанческий предводитель повел себя совсем не героически. Бросил толпы соблазненно-го им люда и сбежал.

Царь Алексей Михайлович

Барятинский гнал мятежников до Симбирска, где и добил их. Некоторых казнили, большинство пойманных вразумляли кнутом, ссылали в Сибирь, на Урал.

Разин удирал на юг. Теперь его не впустили ни Самара, ни Саратов. Один раз обожглись, поумнели. Стенька собирал вокруг себя бродячие шайки, свирепствовал, приказывал сжигать пленных. Отношения в воровском стане были отнюдь не братскими. В Астрахань к своему врагу Усу Степан идти побоялся. Вернулся на Дон, соединился с отрядом младшего брата, Фрола. Еще раз попробовал подбить на восстание казаков. Однако те не желали его больше знать, Черкасск встретил запертыми воротами и изготовленными пушками. Разин снова засел на Кагальнике. Совершал вылазки, мстил за то, что не поддержали его, «прямых старых казаков донских, которые за церковь и крестное целование и за Московское государство стояли... побил и пограбил и позорил».

Атаман Яковлев обратился к царю за помощью. В присутствии казачьих послов патриарх предал Стеньку анафеме. На Дон послали полковника Григория Косагова с тысячей солдат. В апреле 1671-го казаки вместе с этим отрядом осадили Разина. Он собирался обороняться, но все орудия на валах оказались заклепанными — его банда решила откупиться, выдав атамана. Братьев Разиных доставили в

Черкасск. Подручных казнили по войсковому праву, а Степана и Фрола повезли в Москву на колеснице позора.

Старший брат ехал на телеге, прикованный к виселице, младший бежал следом с петлей на шею. Их приговорили к четвертованию. Степана казнили. Фрол в тот момент

оробел, крикнул «слово и дело», что по закону давало отсрочку. Объявил — готов указать клады, спрятанные братом. Но сделать этого не смог и позднее тоже был предан казни.

В Астрахани еще держались Василий Ус и его товарищ Федька Шелудяк. Зверствовали не меньше Разина, убивали даже тех, кого он прежде пощадил — митрополита Иосифа, женщин, детей. Узнав, что Стеньку поймали, Ус возомнил себя вождем, намеревался заново разжечь восстание. Однако отряды его были разбиты, а сам новоявленный атаман умер от какой-то «червивой болезни». Осенью 1671-го подошли царские войска. Воево-

да Иван Милославский склонял восставших к капитуляции, суля амнистию. Шелудяк удерживал их в повиновении террором, расправлялся с любым колебавшимся. Сам же завел тайные переговоры, убеждая служилых кабардинцев изменить царю, но был ими схвачен. Без него Астрахань сразу сдалась. Милославский обещание выполнил, наказывать бунтовщиков не стал. Вошел в город с иконой Пресвятой Богородицы, присланной в знак прощения от Алексея Михайловича. Хотя на самые тяжкие преступления — убийство митрополита, воевод — амнистию не распространили. После расследования Шелудяка и нескольких других главарей повесили.

В заключение отметим, что вдохновенную песню о Разине «Есть на Волге утес» сочинил дворянин, военный юрист, генерал Александр Навроцкий, державшийся передовых взглядов. Среди простого народа память во множестве мест сохранялась совсем иная. Владимир Гиляровский записал легенду, рассказанную ему на Волге: Разин «за великое душегубство» навечно заключен внутри этого самого утеса, обречен есть щи из кипящей смолы и грызть каменные пироги.

С.Кириллов.
«Степан Разин»,
1985–1988

Свой среди чужих

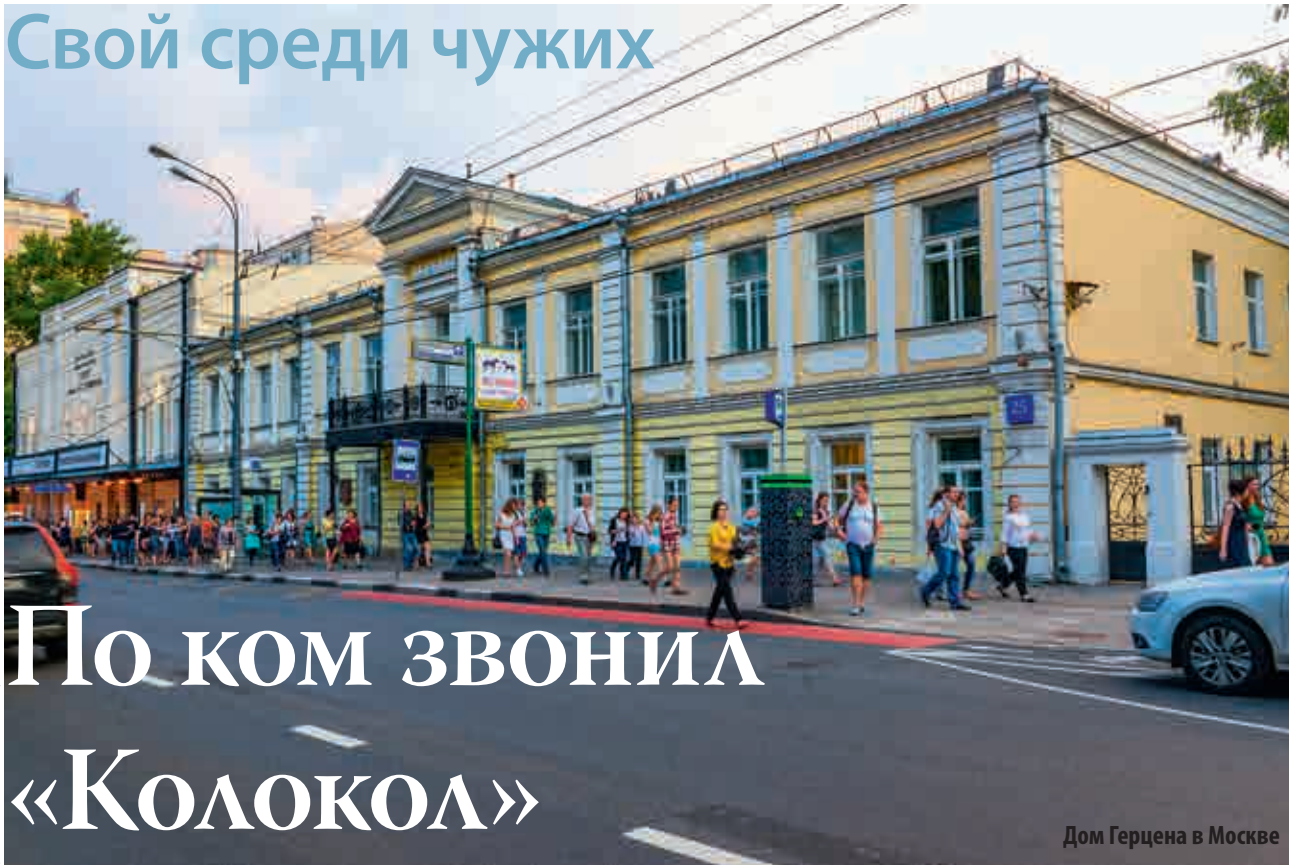

ФОТО: НИКОЛАЙ ГАЛКИН/ЛАСС

По ком звонил «Колокол»

Дом Герцена в Москве

Валерий Бурт

В прежние времена Александр Герцен — в начале апреля с момента его появления на свет истечет 205 лет — считался в общественном сознании личностью чрезвычайно значительной, поистине хрестоматийной, всенародно известной и едва ли не безупречной. В постсоветский период к этим характеристикам прибавилась эдакая объективная неоднозначность. Как долго будут помнить, слышать и читать это имя новые поколения россиян? По меньшей мере до тех пор, пока в каждом более или менее крупном городе страны есть своя улица Герцена.

ЕГО СРАВНИТЕЛЬНО недолгая жизнь — умер в 57 лет — наполнена событиями до краев. И даже с переливом. Герцена знали и по сей день многие полагают как писателя, философа, публициста, педагога. На пике активности он посягнул — все ахнули тогда от неслыханной дерзости! — на основы самодержавия. Десять лет, с 1857-го по 1867-й, самозабвенно бил в «Колокол», сзывал на страницы собственной газеты недовольных, обиженных, протестовавших против нравов общества. Убедил и себя, и других, что «до 1848 года русская цензура была крута, но терпима. После там уже нельзя было печатать ничего, что мог бы сказать честный человек».

В Лондон (а куда же еще!), где он обосновался со своим другом Николаем Огаревым, полился тогда из России поток писем. В них сообщалось о воровстве и прочих беззакониях, издевательствах над крестьянами. Информация была вполне конкретная — с именами, фа-

ФОТО СЕРГЕЯ ЛЕВИЦКИЙ/ТАСС

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

бы снять с должности. Возможно, именно поэтому Герцену особо не докучали, хотя в Англии за ним по пятам ходили агенты Третьего отделения. Им, надо полагать, не составило бы труда заставить его замолчать. Но «работать не мешали». Не потому ли, что издатель в своем обличительном порыве не переступал некую красную черту, то ли опасаясь последствий, то ли следуя предупреждениям из Санкт-Петербурга?

И, по правде говоря, не звал Искандер массы россиян к топору, публиковал он, если разобраться, вполне корректные послания властям предрежащим. Нетерпеливые же радикалы считали: пора «благовестить не к молебну, а звонить в набат». Мог ли Герцен пойти дальше слов-деклараций? Возможно — в том случае, если бы предназначался судьбой для миссии революционного вождя-аскета. Но он был человеком иного склада. Любил комфорт, вино, женщин...

Согласно ленинской формулировке, «Герцен создал вольную русскую прессу за границей... Рабье молчание было нарушено». Однако, если принять данные слова за истину в последней инстанции, за чей счет этот «создатель» подрывал устои?..

Но вернемся пока, так сказать, к истокам, вспомним, с чего все начиналось. Родился он незадолго до нашествия Наполеона. Произошел от любовной связи богатого русского помещика Ивана Яковлева и юной немки Луизы Гагг. Фамилию получил не отцовскую, а родителем придуманную — Herzen, что означает «сын сердца». И в этом батюшка оказался провидцем: многие поступки отпрыска были архиемоциональны, импульсивны — и в личной жизни, и в творчестве, и в политике.

По утверждению Ленина, Герцена разбудили декабристы. Звучит красиво, но правдиво ли? Когда произошло восстание на Сенатской площади, Александру исполнилось

миллиями, копиями изобличающих документов.

Среди корреспондентов Герцена числились не одни противники режима, но и те, кто последнему служил, однако, судя по всему, втайне презирал оный: служащие министерств, чиновники. Немало материалов, напечатанных в газете, являлись анонимными, но за некоторыми, похоже, скрывались сановные особы. Говорили, что некоторые тексты прислал в Лондон известный политик Николай Милютин. Ходили слухи, что автором памфлета на министра юстиции графа Виктора Панина был не кто иной, как Константин Победоносцев.

Поразительно, но в «Колоколе» публиковались даже документы из государственных сейфов! Отпечатанная на тонкой бумаге газета проникала через любые кордоны. Конспираторы прятали ее экземпляры под одеждой, в чемоданах с двойным дном,

книгах, полых гипсовых скульптурах.

Причем не только привозили в Россию, что было крайне опасно, но доставляли в дома госслужащих, военных, губернаторов. В курсе публикаций «Колокола» находился и Александр Второй. Император, естественно, противился распространению издания, но советовал людям из своего окружения «оставлять исключительно для личного чтения». Как-то раз, во время доклада одного из министров, государь не без иронии заметил, что он «это уже читал» у Герцена и Огарева.

Нелояльный режиму «Колокол» был, как ни удивительно, выгоден царю, из него тот узнавал истинное положение дел в России. Ведь от монарха многое скрывали, зачем же портить ему настроение и аппетит. А в оппозиционной газете самодержцу российскому сообщали, кому явно следовало бы устроить разнос, а кого и вовсе нужно

всего 13 лет. Неужто в столь юном возрасте он так сильно проникся революционными идеями?

Да, они с Огаревым, который был еще моложе, произнесли во время оно аннибалову клятву, обещая отомстить за казненных борцов. Но вряд ли стоит придавать серьезное значение такому ритуалу — какой мальчишка не мечтает о разных доблестях со славой в придачу?

В Московском университете он увлекался историей, изучением общественных вопросов. Вошел в кружок, где читали запрещенные книги, обсуждали опасные для самодержавия идеи. В один из вечеров молодые люди спели песню, содержавшую в себе «дерзостное порицание», да еще и разбили — нарочно? — бюст императора Николая Первого. На них донесли, это стало поводом к аресту, который вскоре последовал.

Девять месяцев Герцен — ему едва перевалило за двадцать — провел в заключении. Сначала сидел в Пречистенской полицейской части, затем его перевели в Крутицкие жандармские казармы. После сослали в Пермь, оттуда смутьян проследовал в Вятку. И уже, кажется, забыл, по какой причине оказался в изгнании.

Поселился вместе с другим ссыльным, известным архитектором, своим тезкой Витбергом в доме на Московской улице. Они весело проводили время, кутили, ибо деньги у Герцена благодаря отцу водились. «Шум оргий, по привычке, может подчас меня развлечь, — писал он в Москву возлюбленной, кузине Наталье Захарьиной. — Этот шум напоминает мне пьянство юности, в котором грелись, как сквозь туман, видения высокие».

О последних, впрочем, надолго забыл. В Вятке жил — не тужил. В письмах клялся в любви Наталье, но... завел роман с супругой местного чиновника Прасковьей Медведевой, обитавшей поблизости. И чуть было на той не женился.

В сем увлечении Наталье принался, и она простила жениху баловство. Переписка влюбленных продолжалась. «Божество мое! Ангел! — страстно восклицал мечтательный Александр. — Каждое слово, каждую минуту вспоминаю я. Когда ж, когда ж прижму я тебя к моему сердцу?..»

В 1838 году они обвенчались во Владимире. Там же и поселились. Родился первенец — Александр Александрович. Его молодой отец служил тогда с успехом, денег было вволю. А тут еще одна радость — кончился срок ссылки.

Герцену дозволили жить в столице. Карьера пошла вверх. Про-

извели в коллежские ассессоры и уже прочили на пост вице-губернатора. Но в 1841-м случилась неприятность: в письмах Александра Ивановича, адресованных владимирской знакомой, обнаружили недозволенные мысли.

Как о том прознала полиция? То ли женщина-адресат донесла, то ли за ним продолжали следить. Так или иначе, вернули в ссылку, на сей раз в Новгород, где он служил советником губернского правления. Недолго.

Уйдя в отставку, поселился в Москве. Стал литератором, причем известным. Завершил начатый еще в Новгороде роман «Кто виноват?», написал повести «Сорока-воровка» и «Доктор Крупов».

Герцен решительно вошел в круг радикальной интеллигенции. Выступал в кружке Белинского. Сочинял исторические и философские статьи, в которых затрагивал острые социальные проблемы.

В России возникли два лагеря — славянофилов и западников. Несмотря на ожесточенные споры, и те, и другие имели схожие взгляды по многим проблемам. Общим, по признанию Герцена, являлось «чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому складу ума». Это были всего лишь дискуссии, пусть и захватывающие, яростные. Возможно, ему они сильно наскучили.

Уехав из России в январе 1847 года, Александр Иванович поселился с семьей в Париже, сняв шикарную квартиру на авеню Мариньи. И стал наслаждаться жизнью.

Европа в ту пору не на шутку встrepенулась. То и дело вспыхивали восстания, революции. Протестами были охвачены Париж, Рим, Берлин, Вена, Прага. Царское правительство опасалось, что дух бунта и тотальных разрушений проникнет в Россию, и прежде всего через зараженных им русских, оказавшихся в Европе. Николай Первый потребовал от них немед-

ленного возвращения. Множество путешественников последовали царскому призыву, но Герцена среди этих господ не оказалось.

Его зовут снова и снова и все более настойчиво, однако он остается непреклонен. Тогда разгневанный государь велит наложить арест на его имение и денежное состояние, к слову, весьма солидное. Ужо, тут-то не устоит...

Грозные вести с родины Александра Ивановича отнюдь не страшат. Он продолжает жить на широкую ногу, более того — в Париже появляется его политический салон. Туда заглядывают Джузеппе Гарибальди, Пьер Прудон, Карл Маркс, Фридрих Энгельс.

Откуда деньжата? У Герцена завелась богатая любовница? Ничуть не бывало. Дружескими чувствами к нему проникся сам Джеймс Ротшильд, известный банкир. То была по большому счету сделка: Ротшильд давал деньги в обмен на подрывную деятельность в России. Требовались бомбы — информационные, и машины Вольной типографии в Лондоне застучали, печатая листовки, а вместе с ними журнал «Полярная звезда». Потом пришел черед громоподобного «Колокола».

Ротшильд давал Герцену и практические советы — в какие ценные бумаги вкладывать деньги, какие облигации покупать. Но самое главное: финансист отбил у русского царя — да еще и с процентами! — имение и состояние Александра Ивановича, пригрозив в случае отказа заморозить кредиты России, в которых она крайне нуждалась.

Как в распоряжении редакции «Колокола» оказывались секретные государственные материалы, к примеру, бюджет России на 1859 и 1860 годы? Возможно, пришли с родины от противников самодержавия. Но возникает на сей счет и другая мысль: не могла ли предоставить Герцену упомянутые и многие иные сведения разведка страны, где он нашел прибежище?! Кстати, Великобритания была вра-

жеским государством — в течение двух с половиной лет островная империя противостояла России в Крымской войне.

В одном из своих сочинений Герцен писал: «Революция в России будет ужасной, разрушительной, рождающей не разум, а выпускающей на волю адскую энергию неразумия». Замечательное пророчество. Но сказано так, будто он являлся сторонним наблюдателем и не способствовал зарождению смуты.

Наверняка Герцен не только отработывал деньги Ротшильда. Вероятно, искренне хотел обустроить Россию, сделать ее свободной, пресупевающей. Но прежде принялся разрушать.

любовные бури наконец стихли, семью настигла ужасающая весть: затонул пароход «Город Грасс», на котором плыли мать Герцена Луиза и его сын Николай.

Вскоре последовал новый удар судьбы: умерла спутница жизни. Перед уходом в мир иной она доверила заботу о детях жене Огарева, своей тезке. Не подозревая, что образует тем самым новый любовный треугольник. Огарев знал о чересчур близких отношениях супруги и друга, но безропотно нес свой крест. Жил с ними под одной крышей, заботился о появившихся чадах.

Биография Герцена — не исключительно цепь перманентных

В. Лебедев. «В. Белинский читает А. Герцену письмо к Гоголю». 1947

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

В эмиграции он жил не одной политикой. Задыхался в любовном угаре, ревновал. Много и сильно переживал. Наталья влюбилась в его хорошего знакомого, немецкого поэта Георга Гервега, обладателя пылающих глаз и темных, шелковистых, седеющих волос. Александр Иванович терзался, супруга же чувствовала себя уютно в любовном треугольнике: «Все мы так жили — я не могу себе представить существования гармоничнее». Этот клубок страстей долго, с порывистыми, нервически-ми усилиями распутывался. Когда

противоречий, метаний, в ней нашлось место и по-настоящему интересным творениям. Главное среди них — мемуарная хроника «Былое и думы», выразительная картина российской и зарубежной жизни середины XIX столетия. Критик Дмитрий Святополк-Мирский назвал ее автора великим портретистом-импрессионистом. И далее сказал: «Легкость его прикосновения, скользящего, без всякого нажима, сообщает этим портретам на диво убедительную подвижность... Это великая историческая классика».

Возвращение имени

Г. Чернецов.
«Перспективный вид
Военной галереи 1812 года
в Зимнем дворце». 1829

Д. Доу. «Портрет
П.М. Капцевича»

Сибирский радетель

Елена Мачульская

Портрет этого не знавшего страха генерала, героя Отечественной войны 1812 года, находится в Военной галерее Эрмитажа, а имя упоминается на восьми мраморных досках в Галерее воинской славы Храма Христа Спасителя. Петр Капцевич, первый генерал-губернатор Западной Сибири, весьма потрудился ради того, чтобы Россия прирастала по всем известной формуле Ломоносова.

УВЫ, на долю достойного самой светлой памяти человека выпало поразительно много хулы. В советские времена за ним закрепилась характеристика, данная одним из недоброжелателей, Александром Герценом: «Худой, желчный, тиран по натуре, тиран потому, что всю жизнь служил на военной службе, беспокойный исполнитель — он проводил все во фронт и строй, объявлял максимум на цены, а обыкновенные дела оставлял в руках разбойников». В реальности же все было совсем иначе.

По мнению одних историков, его фамилия произошла от слова «кобец» — ястреб. Другие считают, в основу легло прозвище Копец, то есть копач, копатель, труженик. Как бы то ни было, для Петра Михайловича оказалось одинаково верным и первое, и второе. Стремя-

тельный, неудержимый, достигавший всего упорным трудом, свою первую награду он получил еще до того, как успел проявить воинскую доблесть: орденом Святой Анны 2-й степени был награжден «за приведение в порядок вверенного батальона».

Капцевич родился 245 лет тому назад. Происходил из малоизвестного белорусского дворянского рода. Его отец был сугубо гражданским человеком, коллежским асессором, Петру же пришлось по душе ратная карьера. Окончил Артиллерийский кадетский корпус, а затем выучился еще и на военного инженера.

Первым местом службы стала Гатчина. В 1792 году его в звании поручика направили в артиллерийскую команду. Вопреки укоренившемуся в исторической литературе мнению это были вовсе не «паркетные войска». Многие из гатчинцев впоследствии проявили себя на полях сражений как грамотные и храбрые офицеры.

В. Боровиковский. «Павел I»

Энергичный, неунывающий Петр легко сходилась с людьми, а всякое дело, за которое брался, выполнял с блеском. Неудивительно, что на поручика Капцевича обратил внимание цесаревич, будущий император Павел I. С этого времени Петр Михайлович быстро поднимался по

служебной лестнице. В 1793-м был произведен в капитан-лейтенанты, через три года — в майоры. В 25 лет стал генерал-майором и начальником артиллерийского батальона. У него все делалось организованно и на совесть, бойцы осваивали орудия, учились стрелять, исправно чистили ружья.

Настоящей войны молодому офицеру пришлось подождать. Впрочем, начало той кампании ожиданий совершенно не оправдало. Ему довелось побывать в заграничном походе русских войск в Голландию. Батальон вошел в состав экспедиционного корпуса, которым командовал генерал Иван Герман. Поход 1799 года окончился неудачей и оставил тягостное впечатление.

Потом были бои на Кавказе, первая награда за мужество и умелое руководство полком. Генерал-лейтенант Капцевич инспектировал артиллерию на Кавказской линии, участвовал в схватках с чеченцами, за удачный штурм укрепления

Большой Гатчинский дворец

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

Хан-Килы удостоился ордена Святого Владимира 3-й степени.

Его звездный час пробил в 1812 году. Перед наполеоновским вторжением молодого генерала вызвал военный министр Михаил Барклай-де-Толли. Капцевичу поручили 7-ю пехотную дивизию. В Бородинском сражении ее солдаты под ураганным огнем французов защищали центр русских позиций, героически обороняя батарею Николая Раевского. Командир неприятельского корпуса генерал Груши бросил на них кирасиров и был остановлен невероятным упорством русских богатырей, готовых умереть, но не отступить. Французских кавалеристов сначала удержали, а потом, с приходом помощи, обратили в бегство. За Бородино генерал Капцевич получил орден Святого Георгия 3-й степени и золотую шпагу, украшенную алмазами, с надписью «За храбрость».

Его дивизия яростно дралась, прикрывая отход основной армии от Москвы, затем при Малоярославце и Красном, «провожая» француза восвояси. А потом Петр Михайлович, отменно зарекомендовавший себя в боях, был назначен командиром 10-го пехотного корпуса, входившего в Силезскую армию союзников. Заграничные кампании против Наполеона стали «сплошным подвигом Капцевича».

В октябре 1813 года он участвовал в масштабном Лейпцигском сражении, названном «Битвой народов». Несмотря на контузию и ранение, герой остался на поле боя и одним из первых вошел в Лейпциг. Наградой за доблесть стал орден Святого Георгия 2-й степени.

К его заслугам можно отнести тактические победы под Зибен-Эйхеном и Левенбергом, а в сражении при Гольдберге солдаты Капцевича, преследуя неприятеля, пленили колонну французских войск в 2000 человек. Зимой 1814-го он обеспечивал переправу

Л.-Ф. Лежен. «Французская армия атакует батарею Раевского в битве при Бородино»

через Рейн, воевал под Жанвилье, Мо, Суассоном, бился под стенами Парижа.

Ратная слава не вскружила ему голову. Известный поэт князь Иван Долгоруков, познакомившийся с ним в Киеве в 1817 году, составил такую характеристику: «Генерал Капцевич очень скромный и вежливый человек, хороший хлебосол, приветливый хозяин... Он не говорит беспрестанно о своих победах и подвигах, хотя пять звезд на груди и добрый гарнитур разноцветных отличий дают ему на то полное право. Он умеет продолжать общий разговор, вести речь со всяким, сведущ в своем деле без педантизма и несносного чванства, не заносчив, когда встречает возражения, не вспыхив, когда с ним не соглашаются».

Военная карьера явно удалась. Но на семейное счастье ему было отведено всего лишь девять лет. Супруга княгиня Мария Прозоровская подарила сына Николая. Однако во время родов дочери Софии в 1816 году умерла. Второй раз он не женился.

В 1819-м Петр Михайлович был назначен командиром Отдельного Сибирского корпуса. Через три

года после очередной административной реформы, разделившей далекие пространства надвое, стал первым генерал-губернатором Западной Сибири — огромной, малозаселенной территории между Уралом и Енисеем, где еще только налаживался новый жизненный порядок. В общем, в управление ему достался регион сложный, сильно отличавшийся от Европейской России.

Героический генерал оказался прекрасным администратором. Пытался вникнуть буквально в каждый, даже самый малозначительный, вопрос.

В 1824 году выступил с ходатайством о перенесении Главного управления Западной Сибири из Тобольска в Омск, аргументируя это более выгодным географическим положением последнего. Получил из столицы отказ. Но стратегические интересы государства требовали продвигать границу на юг. Петр Михайлович, таким образом, поступил по своей воле и перенес в маленький Омск собственную резиденцию. А далее начал стремительно превращать степной городок с девяти тысячами населением в столицу Сибири.

На окраине возвели войсковую канцелярию. Размещенное на открытом пространстве, напоминающее дворец здание олицетворяло могущество Российской империи на ее южных рубежах. Расчет при строительстве делался на перспективу и полностью оправдался. Капцевич, осознававший, что Сибири жизненно необходимы грамотные офицеры из местных, без колебаний распорядился передать этот роскошный дом Омскому училищу Сибирского линейного казачьего войска. Отправил в Государственный совет ходатайство об отпуске средств на содержание училища из государственного казначейства. Оно было одобрено. За два века из стен заведения, впоследствии преобразованного в Сибирский кадетский корпус, вышла плеяда героев, талантливых офицеров, исследователей. Петр Капцевич первым поднял вопрос и о создании в Сибири университета. К сожалению, воплотить эту задумку генерал не успел.

Он много внимания уделял совершенствованию работы промышленных предприятий, рудников, промыслов, обустройству дорог. Его усилиями в Омске появилась войсковая суконная фабрика, которая позволила сибирякам отказаться от дорогих привозных материалов. Капцевич привел в порядок Сибирское линейное казачье войско, сумел решить многие финансовые проблемы.

«При сильном влиянии Петра Михайловича Капцевича хлебопашество получило нарочитое развитие», — отмечал начальник Омской области генерал Семен Броневский. В Западной Сибири было заведено овцеводство, основан конный завод.

Поощрял губернатор и хозяйственную деятельность аборигенов. Именно при нем стали приобщать кочевые народности к оседлому образу жизни. А в центре Омска построили мечеть — чтобы сделать город особо значимым

и для живших в местных степях «киргизов».

Петр Михайлович открыл два внешних округа с центрами в Кокчетаве и Каркаралах, что значительно укрепило позиции России в Степном крае.

Приводя в порядок вверенный ему регион, удивительно честный и требовательный губернатор нажил себе немало врагов. Ведь он не терпел разгильдяйства, недисциплинированности. «Наказания, которые налагал сам Капцевич, всегда отличались строгостью. Офицерам он назначал арест с содержанием на хлебе и воде, а нижним чинам чаще всего телесные наказания», — сообщается в журнале «Сибирский архив» за 1915 год.

Недоброжелатели регулярно слали в столицу доносы. Его обвинили в чрезмерных издержках, но специальная ревизия претензий не предъявила. Приход к власти нового императора увеличил поток интриг, которые в 1827-м стоили Капцевичу губернаторской должности. «Не мне писать законы, но и не мне учиться служить верно царю, — сообщал он тобольскому губернатору Дмитрию Бантышу-Каменскому. — Ежели я не соблюдаю формы, то сознаюсь перед вами и хвалюсь сею виною; зато, сохранив до сего край, мне вверенный, и безмолвных крестьян от притязаний, а Казенную Тобольскую палату от

беспорядка в ее запутанностях, остаюсь в совести спокойным».

Он продолжил служить Отчизне в ином качестве: через год Петру Михайловичу доверили командовать Отдельным корпусом внутренней стражи, прообразом современных внутренних войск. Капцевич сумел провести серьезные реформы, исправить нарушения в деле подготовки и снабжения солдат и офицеров. Отставники корпуса обеспечивались пансионом по армейскому окладу, солдатам выделялась земля.

«Наградой» генералу стала ненависть тогдашней богемной и либеральной настроенной публики. Вот, к примеру, как отзывался о Капцевиче писатель и издатель Николай Греч: «Был большой урод, гатчинский герой, генерал от артиллерии Петр Михайлович Капцевич, лицемер и ханжа, жестоко разбитый французами (в 1814 году) при Монмирайле...» Истине в этом утверждении соответствуют разве только имя и должность. И да, это очень оригинально — припомнить поражение, в котором вины собственно Капцевича не было, оставив за скобками множество его побед.

Жизненный путь генерала завершился в 1840 году. Время, когда он руководил Сибирью, исследователи позже определили как одну из лучших страниц в ее истории.

Омская крепость. Тарские ворота

Миротворцем нареченный

Совсем скоро, возможно, уже в мае нынешнего года, в Крыму будет открыт памятник императору Александру III. Мемориал появится в Ливадийском парке, неподалеку от того места, где монарх провел последние минуты своей жизни. Но на этом, надо полагать, дело восстановления исторической справедливости в отношении Царя-миротворца не закончится. В российских академических и властных кругах активно обсуждается возможность установки большого монумента самодержцу возле Храма Христа Спасителя — там, где он с 1912-го по 1918-й удивительно органично дополнял ансамбль величественного храмового комплекса. Всего в дореволюционной России было около четырех десятков памятников Александру III. Вкратце о судьбе двух из них, самых известных, рассказывает наш постоянный эксперт, доктор исторических наук Юлия Кудрина.

«**В**ЫБОР этого места, равно как и художественная концепция самого памятника, должны отвечать основному характеру царствования почившего Монарха... Император, полагавший столько непрестанных попечений «о мире всего мира» и Богом вверенного Ему народа, этой стороной своей деятельности, как нельзя более приближается к Церкви, которая молит о том же и учит жить в мире» — это строки из специальной записки профессора Ивана Цветаева, адресованной генерал-губернатору Москвы великому князю Сергею Александровичу. Она написана в мае (по ст. ст.) 1897-го — в обоснование необходимости возведения мемориала близ выдающегося собора Российской империи.

«Почившему Государю, — аргументировал Цветаев, — ниспослана была Богом честь окончательно завершить здание Храма Христа Спасителя, воздвигавшееся в течение трех

предшествующих царствований и на глазах нескольких поколений, торжественно открыть его и освятить его для вечного совершения в нем таинств, поучений, песнопений и молитв. С памятного для всех дня торжественного освящения в мае 1883 года, этот величественный Храм стал народной святыней, к которой стремится всякий, откуда бы ни прибыл он в Москву. Император, который открыл и передал народу эту святыню, имеет все права на всенародное увековечение Своей памяти именно вблизи этой всенародной святыни и как бы под ее благодатной сенью».

А. Опекушин

На возведение памятника, символизирующего величие и мощь русского самодержавия, по всей стране были собраны огромные деньги: без малого два с половиной миллиона рублей. Работы по установке завершились 105 лет назад, весной 1912-го. Авторы — прославленный скульптор Александр Опекушин и едва ли менее известный архитектор Александр Померанцев. Император был изображен восседающим на троне, в порфире и короне, со скипетром в правой руке и с державой — в левой. На бронзовом поясе, окружавшем пьедестал, поместились 16 гербов всех царств и княжеств, упомянутые в титуле русского царя. На лицевой стороне пьедестала — надпись: «Благочестивейшему самодержавнейшему Великому Государю нашему Императору Александру Александровичу всея России. 1881–1894».

Монумент торжественно открыли 30 мая. Вот как описывал кульминационную часть впечатлившей всех церемонии генерал-адъютант Владимир Джунковский:

В 10 ч. 54 мин. отдаленные звуки «ура» возвестили о выезде Государя из Кремля... Обойдя войска, Государь сел в экипаж и подъехал к храму Спасителя одновременно с императрицей Марией Федоровной. Императрица Александра

Храм Христа Спасителя
и памятник императору
Александру III. 1917 г

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Памятник Александру III
у Мраморного дворца в
Санкт-Петербурге

ФОТО: ПЕТР КОВАЛЕВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

Федоровна с наследником цесаревичем прибыла непосредственно к месту сооруженного памятника... По встрече из Храма Спасителя вышел крестный ход. С ближайших церквей раздался колокольный звон, войска отдали установленную честь, раздались звуки «Коль славен». В предшествовании митрополита шли Государь и Императрица Мария Федоровна в сопровождении министра двора и особ императорского дома... По вступлении крестного хода на помост началось благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением... Протоиерей Розов провозгласил многолетие Всероссийскому воинству и всем верноподданым».

В апреле 1918-го по предложению Ленина Совнарком принял декрет, касающийся памятников. Те из них, которые были воздвигнуты «в честь царей и их слуг», объявлялись объектами, не представляющими ни художественной, ни исторической ценности, поспе- му подлежащими снятию с улиц и площадей, перенесению в склад-

П. Трубецкой

ские помещения либо «использованию утилитарного характера». Во исполнение декрета многие были сброшены, а после безвозвратно исчезли. Так произошло в Сибири, Крыму, Малороссии, Самарской губернии.

Летом того же года большевики снесли мемориал работы Опекушина и Померанцева. Через 13 лет приступили к уничтожению всего архитектурного комплекса

Храма Христа Спасителя. С ним пришлось изрядно помучиться — подручными средствами разрушить здание до основания не получилось, поэтому порешили его взорвать.

А вот куда менее удачной, с эстетической точки зрения, конной статуе работы Паоло Трубецкого в Петербурге повезло гораздо больше. По выходе пресловутого декрета она не была уничтожена, большевики «лишь» выбили на ней глумливое и вряд ли кажущееся кому-либо остроумным четверостишие Демьяна Бедного:

*Мой сын и мой отец при жизни
казнены,
А я пожал удел посмертного
бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным
для страны,
Навеки сбросившей ядро
самодержавья.*

Вопрос о демонтаже рассматривался 22 марта 1935 года на заседании Ленсовета. В принятом специальной комиссией решении говорилось, что мотивы сноса не

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Низвержение памятника Александру III в Москве. 1918

вполне основательны: «Наши потомки по их памятникам будут изучать эпоху царизма... борьбу с ним и знакомиться с победой Октябрьской революции. Кроме того, следует учесть, что памятник Александру III тесно связан с общим ансамблем площади, так что снос его может изменить общий облик всей площади, что также нежелательно. Имея в виду все изложенное, уполномоченный ВЦИК по охране высказывался против сноса памятника, который как нельзя лучше отражает грубый монархизм».

В конце 1937-го мнение властей города на Неве на сей счет поменялось и последовало постановление президиума Ленинградского городского совета: «Так как памятник не представляет художественной и исторической ценности, его необходимо снять».

В ночь на 15 октября он был разобран. И все же избежал полного уничтожения. В ответ на запрос Совета руководство Русского музея, носившего до революции имя Александра III, заявило, что «считает произведение Трубецкого... ценным как в художественном, так и в историческом отношении... и согласен принять его, экспонировать в одном из внутренних дворов».

Конная статуя была передана музейным работникам 22 февраля 1939 года. Свое веское слово тут сказал крупный ученый, историк

искусства, выдающийся хранитель Григорий Преснов, предложивший создать в Михайловском саду под открытым небом Музей русской скульптуры.

В страшные блокадные годы вопрос о сохранении монумента вновь возник, и было решено укрыть его на территории Михайловского сада. Для этого вырыли вместительные котлованы: один — для бронзовой статуи Анны Иоанновны работы Бартоломео Растрелли, другой — для памятника Александру III. Но у работников музея не доставало сил и возможностей, чтобы опустить в яму тяжеленную скульптуру Трубецкого, пришлось заложить ее там, где была, мешками с песком. Самоотверженные музейщики, в том числе женщины, носили в ведрах песок с баржи, стоявшей на канале Грибоедова. Поверх мешков соорудили настил из бревен, затем засыпали его и засеяли травой. В октябре 1941-го в памятник угодила бомба, однако он не пострадал.

В 1953 году памятник переместили во двор Русского музея. А в настоящее время он находится перед входом в Мраморный дворец на 1-м Адмиралтейском острове.

Память о сильном царе ископалась не только посредством разрушения мемориалов. При Советской власти поменяли наименование Императорский государственный исторический музей,

Русский музей, Петербургский электротехнический институт, другие учреждения культуры, науки, образования, многочисленные топонимы, некогда носившие имя Александра III. Лишились своих названий две вершины Памира: пик Царя-Миротворца стал пиком Маркса, пик Императрицы (в честь супруги государя Марии Федоровны) — пиком Энгельса.

В последнее время Россия как будто стала вновь обращаться к своему историческому прошлому. По почину церковных и общественных организаций на всей территории страны началось восстановление храмов, памятников российским государственным деятелям, русским самодержцам.

Имеются данные, что рассматриваются планы создания у нас большого музея Александра III, потомки русских эмигрантов готовы передать Российской Федерации исторические реликвии, касающиеся жизни и деятельности императора и царицы Марии Федоровны, чей прах был возвращен в Россию в 2006 году.

Русский философ Николай Федоров, чрезвычайно высоко оценивавший политику этого государя, в одном из своих сочинений писал: «Памятник Миротворцу должен не только напоминать о мире, но и пробуждать размышление о причинах размирия и о средствах восстановления всеобщего мира... Общий голос нарек царя миротворцем, охранение мира признано его служением, т.е. признано, что он не любил (или ненавидел) истребление, Россия же, кроме того, знала, что он любил восстановление истребленного и сохранение истребляемого (разумею его покровительство и собственное занятие наукою Древностей Отечественных...), а потому и памятником не терпевшему истребления и возлюбившему восстановление может служить лишь храм-музей, собирающий живущих для их умиротворения».

А. Лурье. Эскиз обложки к роману «Два капитана»

Легенда о рыцаре Саньке

Дарья Ефремова

19 апреля исполняется 115 лет со дня рождения Вениамина Каверина. Создавший без малого два десятка романов и повестей, дюжину детских сказок, оставивший яркие мемуары, он запомнился основной массе читателей как автор одной книги. Содержательно отчетливые и в то же время таинственно-романтические «Два капитана» вошли в славный перечень смыслообразующих произведений — тех, с которых «списывают» жизнь.

ФОТО: ГАЛИНА КИМТРИА НОВОСТИ

В.Каверин. 1949

«**БОРОТЬСЯ** и искать, найти и не сдаваться!» — мальчишеский девиз Саньки Григорьева, а также прямая цитата из стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона. Фраза, высеченная на обелиске в снегах Антарктики, стала знаковой для нескольких поколений прекраснодушных романтиков.

Книга Каверина пользовалась такой популярностью, что даже на уроках географии дети принимались спорить с учителями, утверждая, что Северную Землю (первоначально та называлась Землей Императора Николая II) открыл не Борис Вилькицкий, а Иван Тартинов.

В героев этого произведения верили так, как, наверное, в рыцарей Круглого стола. И даже больше.

Саня, Катя, благородный капитан-полярник, подписывавший письма к молодой супруге «Твой Монтигомо Ястребиный Коготь», его коварный, словно из античной трагедии, двоюродный брат, любимый ученик и почти полная копия последнего мелкий и подлый Ромашка, грустная, всегда во всем черном, ни вдова, ни мужняя

жена Мария Васильевна. Для первых читателей романа они были реальными людьми.

О дальнейшей судьбе персонажей справлялись у автора посредством корреспонденции. Как и все популярные писатели тех лет, Вениамин Александрович получал горы пухлых конвертов. Интересовались, конечно, и прототипами. То, что «Два капитана» созданы на основе подлинных событий, не вызывало сомнений. Ведь первое десятилетие XX века было излетом эры Великих географических открытий. Так, американцы заявили о покорении Северного полюса еще в 1908-м. А в 1912-м, к предстоящему трехсотлетию царствования Дома Романовых, в Арктику отправились сразу три русские экспедиции — Георгия Седова, Георгия Брусилова и Владимира Русанова. Все эти походы закончились трагически. Фортуна улыбнулась лишь капитану Вилькицкому — годом позднее.

«Я воспользовался историей двух отважных завоевателей Крайнего Севера. У одного я взял мужественный характер, чистоту мысли, ясность цели — все,

что отличает человека большой души. Это был Седов. У другого — фактическую историю его путешествия. Это был Брусилов», — рассказывал Каверин. И хотя сегодня в разных источниках можно найти сведения о том, что к предприятию многие изначально относились скептически, роман убеждает в главном: рисковали отнюдь не ради чинов и золота.

«Человеческий ум до того был поглощен этой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием, — прочитал Санька в одном из писем Тартинова. — В этом состязании участвовали почти все цивилизованные страны, и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

«Стало быть, вот куда метил Катин отец! — восхитился Саня. — Он хотел, как Нансен, пройти возможно дальше на север с дрейфующим льдом, а потом добраться до полюса на собаках».

Юноша подсчитал, во сколько раз быстрее было бы на самолете. И тут же позвонил Кате. «Разве твой отец отправился на Северный полюс?» — «Н-н-нет. А что?»

Девушка вместе со своей подругой Кирен собиралась в тот момент в зоопарк — смотреть грызунов, макак и бесхвостых мартышек из Гибралтара. Герой, конечно же, присоединился к компании дамы сердца. Однако прогулка вышла не вполне куртуазной: у той самой клетки с гиббонами ему встретил-

«Два капитана». 1956

«Два капитана». 1976

ся давний враг, его бывший отчим, постаревший и сильно подурневший Гаер Кулий. «От прежнего молодцеватого Гаера остались только усы кольцами да угри». Этот тип когда-то служил в батальоне смерти, бил мальчика и его сестру, погубил их мать. Григорьев не удержался и высказал все, что думал. Хотя вообще-то намеревался убить. Катя с Кирен, не посвященные в суть дела, лишь развели руками.

Вообще обстоятельства и ключевые сцены у Каверина постоянно складывались в духе героического эпоса или даже рыцарского романа: мистически-случайные встречи, совпадения, проливающие свет на истину, указывающие путь к святому Граалю; профанирующие все и вся персонажи, ведуны, путники, приводящие в нужные места, прекрасные дамы, угодившие в беду.

Те самые письма, вынесенные на берег реки в Энске, да еще и в кармане мертвого почтальона, зачитываются вслух тетей Дашей — вместо сказок. Простую женщину завораживает аристократический эпистолярный стиль. Оказавшись уже в столице, Саня помогает донести сумку незнакомой старушке, которая, как выясняется, живет в доме inferнального директора. Здесь и закручиваются обе коллизии: романтическая и приключенческая. Впервые Григорьев выручает хорошенькую задаваку Катю по мелочи, избавляя от унижительной выволочки отчима: берет на себя вину за испорченный лактометр. Зато во второй раз речь идет уже о настоящем спасении: обиженная на Саню и поверившая подлецу Ромашке девица рискует повторить судьбу матери, Марии Васильевны, прожившей жизнь во лжи с нелюбимым мужчиной. По сюжету именно он, Николай Антонович, отвечая за снабжение экспедиции, намеренно загубил Ивана Татаринова, дабы заполучить себе его жену. Правда о директоре школы, раскопанная все тем же неутомимым Санькой, приводит к трагическому исходу, некоему жуткому подобию катарсиса. Мария Васильевна накладывает на себя руки.

Земля Марии, расположенная между 86-м и 87-м меридианами, ближе к Русским островам и архипелагу Норденшельда, была обнаружена летчиком Александром Григорьевым, когда он совершил вынужденную посадку. Старый латунный багор, позеленевший от времени, с надписью «Шхуна «Святая Мария», стал наконец обретенным Граалем. Нашелся последний лагерь Ивана Львовича, его останки, письма с фотопленками. Предстали взору прощальные слова: «Горько мне думать о всех делах, которые я мог бы совершить, если бы... хотя бы не мешали. Что делать? Одно утешение — что моими трудами открыты и присоединены к России новые обширные земли».

В финале — счастливая молодая семья и «заходящие в Енисейский залив корабли, приспускающие флаги», завидев издаലെка могилу капитана Татаринова. Белокаменный обелиск сверкает в лучах незаходящего полярного солнца. Справедливость восстановлена, память возвращена. «Мое единственное утешение, что у меня все-таки оказался свой путь...» — отмечал на склоне лет сталинский лауреат Вениамин Каверин.

Даже не путь к читателю, но особое место в сердцах и умах поколений нашел его герой — простой парень, сын врага народа, сирота, беспризорник, беглец, правдоискатель, русский офицер, прирожденный аристократ духа, человек большой души, рыцарь без страха и упрека. Казалось бы, перед нами идеализированный типаж романтика, рожденный классической советской литературой. Однако миф переплетается с действительностью. Арктическая могила, своего рода край обетованный, манит до сих пор. Экспедиция «По следам двух капитанов», отправившаяся на поиски брусиловской «Святой Анны», потерпела крушение на острове Белый уже в 2016 году — за свои сохраненные идеалы отдала жизни три человека, включая руководителя Олега Продана...

Книжная палата

Во льдах и подо льдами

Владимир Реданский

М.: Вече, 2017. — 448 с.

Очередное переиздание написанной еще на рубеже веков книги говорит прежде всего о двух вещах: во-первых, она востребована читателями, а во-вторых, исследованная в ней тематика продолжает оставаться крайне актуальной. В последние годы наблюдается нешуточная активизация геополитической борьбы за контроль над Арктикой, и то, что в 2014-м у нас появилось Объединенное стратегическое командование «Север», нередко именуемое Арктическими войсками, — самое убедительное тому подтверждение. В состав объединения входят подводные и надводные силы, морская авиация, береговые части и ПВО.

Военный историк капитан первого ранга в отставке Владимир Реданский рассказывает о последовательном развитии в нашей стране идеи подледных плаваний и ее практической реализации; о том, как русские судостроители создавали не имеющие в мире аналогов корабли, способные под вековыми льдами Арктики достигать Северного полюса.

Немало внимания уделено истории появления в России первых субмарин. Реданский приводит крайне любопытные факты. Например, о деятельности военного инженера Карла Шильдера, построившего на свои средства в 1834 году на Александровском механическом и литейном заводе в Петербурге подводную лодку: «В том же году на Неве состоялись ее испытания, которые прошли весьма успешно. Лодка Шильдера отличалась рядом новшеств. Она была построена целиком из металла и знаменовала собой начало «железного» судостроения в России. Для определения глубины погружения конструктор установил на судне манометр, соединенный с забортной водой трубкой, став, таким образом, изобретателем первого глубиномера. Наконец, Шильдер снабдил свою подводную лодку помимо шестовой мины шестью ракетами в двух бортовых трехствольных установках. Его по праву можно назвать пионером создания ракетного оружия подводного флота, тем более что он впервые в мировой практике осуществил запуск ракеты из-под воды».

Подробно освещена тема героизма советских и российских подводников при несении службы в Полярном бассейне. Повествуется о противоборстве подводных флотов США и СССР в период «холодной войны», о специфических обстоятельствах арктических операций, прежде строго засекреченных. А также о беспримерном мужестве и высочайшем профессионализме наших моряков, вот уже много десятилетий обеспечивающих надежность русского ракетно-ядерного щита.

Ф-п.

Хранить вечно

В. Соловьев-Седой. 1967

ФОТО: ИВАН БАРАНОВ, НИКОЛАЙ НАУМЕНКОВ/ТАСС

Всё, что на сердце у меня

Денис Бочаров

Когда мы вспоминаем о музыкальных творцах XX века, сумевших панорамно и в то же время с удивительным изяществом передать, отобразить самую суть русской души, ее удасть и стать, искренность и нежность, имя Василия Соловьева-Седого приходит на ум одним из первых. 25 апреля страна отметит 110-летие со дня рождения этого гения.

ХОРОШИЕ русские песни бывают трех видов. В первых всему голова — мотив, а текст играет сугубо вспомогательную роль — задает ритм, намечает образы. Во вторых — доминируют превосходные стихи, которые как бы сами, тотчас после своего рождения, требуют подыскать им подходящие мелодии. В третьих — достигается чудесный баланс — поэт оказывается под стать композитору (или композитор поэту).

Стихоцентричное творчество мощных корней у нас почему-то не пустило. Великие строки Есенина, Рубцова, поэтов Серебряного века, наконец, Пушкина при всей изначальной певучести, тончайшем лиризме на музыку ложились... так себе, немногие из них в качестве национальных баллад либо романсов стали по-настоящему популярны и любимы. (Еще есть барды, включая Высоцкого, но это отдельная тема.)

Последняя из названных, «танцевальная» категория в советский период была особенно яркой и представительной. Блистательные авторские пары могли потрафить вкусам не только широкой публики, но и сколь угодно придирчивых художников. Василий Павлович работал с лучшими в мире поэтами-песенниками — Алексеем Фатьяновым, Михаилом Исаковским, Михаилом Матусовским, тезкой Лебедевым-Кумачом и другими. Создал с ними такое количество великих песен, что их, верно, хватало бы на добрый десяток признанных корифеев.

Когда же добавим сюда вещи из первого списка, где мелодии поистине шедевральны, а стихи служат обязательным дополнением, гениальность Соловьева-Седого становится еще более очевидной.

«Город над вольной Невой, город нашей славы трудовой, слушай, Ленинград, я тебе спою задушевную песню свою», — самозабвенно выводят питерские бо-

лельщики на трибунах ветхой, морально устаревшей арены Петровского острова. Если посмотреть на эту картину глазами рассудочного скептика, то полушарие, ответственное за логику, начнет бурно протестовать: «Помилуйте, братья и сестры, Ленинград-то давно в прошлом. Да и о какой-то такой трудовой славе вы, ждущие вот уже целое десятилетие себе новый стадион, так вдохновенно поете...»

В том-то и штука, когда есть колдовской мотив и его дополняет вынесенный в самое начало величественный образ, продолжение текста становится простым набором вербально-ритмических частей, необходимых лишь для того, чтобы натурально петь, а не издавать нечленораздельные звуки.

Этот признак сближает, а точнее, отождествляет произведения Соловьева-Седого с бессмертным отечественным фольклором. Исполняя дружной компанией «Хасбулата удалого», «По Дону гуляет...», «Славное море — священный Байкал», «Ой, мороз, мороз», мы редко вдумываемся в изначальный смысл творений нашего эпоса. Нам вполне достаточно и того, что в них заключены вечные символы бескрайней, героической Родины, с ее озерами и реками, высокими горами и жгучими морозами, суровыми мужиками, удалыми казаками и о чем-то плачущими девами. Благодаря такому искусству начинаем понимать, в чем подлинная суть и уникальность национального, не побоимся этого слова, архетипа.

То же касается и главного шедевра Василия Павловича. «Не слышны в саду даже шорохи», — говорит поэт, но мы-то невольно думаем про себя: «Еще как слышны — и разные таинственные шорохи, и нежное журчание речки, и колыхание листьев от ветерка, и шепот влюбленных, и доносящееся изда-

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

В. Клиберн
на I Международном
конкурсе имени
П.И. Чайковского. 1958

лека ладное пение. Причем именно «Подмосковных вечеров»...»

Арам Хачатурян писал ему: «От нашей эпохи останутся в истории музыки единицы. Среди очень немногих останешься ты, Гомер нашей эпохи». А Тихон Хренников отмечал: «Как создатель песен Соловьев-Седой находится в ряду самых крупных мастеров этого жанра. Популярность его произведений невероятна — «Подмосковные вечера», «Если бы парни всей Земли» пела буквально вся планета, и, пожалуй, нет такого языка в мире, на котором бы они не звучали. Своей задушевностью эта музыка покоряет миллионы сердец». Точнее их, наших советских классиков, и не выразишь.

Основную причину того, что именно ему суждено было в середине прошлого столетия стать главным

музыкальным выразителем настроений, надежд и чаяний соотечественников, наверное, следует искать в социальном происхождении. Соловьев — выходец из самой что ни на есть рабоче-крестьянской среды. Прозвище Седой, впоследствии гармонично приклеившееся к фамилии, получил еще в детстве из-за склонности волос к пигментации: за лето, которое мальчик обычно проводил в деревне, те выгорали и становились белыми. Родился он в Питере, в семье дворника и крестьянки. Тяжелый быт не загрыз эту дружную ячейку общества, в доме постоянно звучала музыка. Отец мастерски играл на трехрядной гармонии, а мать отменно знала и хорошо исполняла народные песни Псковщины, Белоруссии. Первые уроки, полученные Василием от родителей, легли на благодатную почву: юный Соловьев-Седой буквально заболел музыкальным искусством. Увлечен городскими романсами, куплетами, частушками, постоянно слушал граммофонные записи. В девятилетнем возрасте начал посещать курсы игры на гитаре, а еще через три года стал обучаться игре на фортепиано.

Вскоре у молодого человека обнаружились и способности к сочинительству. Не случайно в 1929-м он поступил в Центральный музыкальный техникум, а позже окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции. В студенческие годы уже вовсю создавал музыку к спектаклям, писал песни к эстрадным постановкам. Однажды начинающего автора заметил Леонид Утесов, взявший в свой репертуар «Казачью кавалерийскую», которую молодой композитор сочинил на стихи Александра Чуркина. Боевое крещение будущего корифея, таким образом, состоялось. Слово «боевое» здесь упомянуто недаром — во время начавшейся вскоре Великой Отечественной талант Соловьева-Седого раскрылся в полную мощь. За этот период им написано более шестидесяти песен. В 1941-м он принес на радио свою первую военную вещь «Играй, мой баян», в 1942-м в землянке под Ржевом исполнил вместе с бойцами «Вечер на рейде». Задушевный рефрен «Прощай, любимый город, уходим завтра в море» принес ему всенародное признание. А лирические опусы «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк», «Соловьи», равно как и задорные «На солнечной поляночке», «Как за Камой, за рекой» только упрочили авторитет непревзойденного мастера. К концу войны он подошел в ранге самого известного и любимого советского композитора.

Однако и после того как смолкли залпы орудий, военная тематика оставалась одной из основных в его творчестве. Без таких вышедших из-под его пера музыкально-эпических полотен, как «Солдат — всегда солдат», «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «Если бы парни всей Земли», «Путь далек у нас с тобою», песенно-батальную картину страны представить невозможно.

Но он бы не был самим собой, если бы постоянно разрабатывал одну и ту же творческую жилу. Его проникновенная гражданская лирика ни в чем не уступает композициям, призванным поддерживать боевой дух на передовой или отдать дань уважения ветеранам. Кто же способен оставаться равнодушным, внимая безупречным мелодиям песен «Услышь меня, хорошая», «Где ж ты, мой сад», «Когда вам двадцать лет», «Тропки-дорожки»?

История мирового признания его главного шедевра кажется тем уникальнее, чем глубже осознаешь: при определенном стечении обстоятельств эта вещь могла бы вообще пройти мимо массового слушателя. Ведь написанные на стихи Матусовского «Подмосковные вечера» впервые прозвучали в малозаметном фильме «В дни Спартакиады» (1956). Казалось бы, многим ли есть дело до нишевой ленты, к тому же документальной? Однако народ эту волшебную композицию заметил, более того — принял с восторгом и распростертыми объятиями. Почтовые ящики Радиокomiteта буквально деформировались от огромного количества писем с просьбой поставить запись той самой песни, которая «слышится и не слышится».

Делать предположения, что она хоть кому-то еще «не слышится», вскоре стало просто абсурдно: чарующая мелодия зазвучала по всему белу свету. Наверное, за вычетом «Очей черных» и «Дороги длинной» «Вечера» остаются по сей день единственным отечественным музыкально-лирическим произведением малой формы, которое известно во всех уголках земного шара.

Исполнением именно этой вещи завершил свое выступление на I Международном конкурсе имени Чайковского в 1958 году Ван Клиберн. Секрет всемирного успеха прост: только истинно национальное имеет шанс стать интернациональным.

Как раз этой формуле и старался неизменно следовать Соловьев-Седой: «Я за широкое народное творчество, потому что уверен: народ — превосходный наставник не только в области языка, но и в области музыки. Но я решительно против музыкальных подделок, против того слезливого надрыда, который часто передается шепотком в микрофоны на некоторых танцевальных площадках и в концертных эстрадах. Я против опошления песни, против нарушения единства ее поэтического и музыкального образа, народных корней, национальной самобытности».

После триумфа оды Подмоскoвью награды и почести посыпались на Василия Павловича как из рога изобилия: лауреат Ленинской премии (1959), народный артист СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1975), кавалер трех орденов Ленина (1957, 1971, 1975).

Во второй половине 70-х Соловьев-Седой работал не так интенсивно, как прежде: тяжелая болезнь, с которой композитор боролся на

протяжении нескольких лет, постоянно давала о себе знать, взяв финальный, роковой аккорд в конце 1979-го. Великому мастеру было 72 года.

Одним из последних его творений, увы, незаконченным, явилась музыка для кукольного спектакля по сказке Самуила Маршакa «Терем-теремок». Вообще Соловьев-Седой на протяжении всей жизни пробовал силы во многих музыкальных жанрах — от камерных пьес до симфонических и оперных опусов. Им написаны три балета, десять оперетт, семь произведений для симфонического оркестра, музыка к 24 драматическим спектаклям, восьми радиопостановкам, 44 кинофильмам.

И все же главным его призванием стали прекрасные песни, коих создано порядка четырехсот. Большинство из них, таких разных, но непременно отмеченных безукоризненным вкусом, филигранным мелодизмом и глубоким знанием родного народа, относятся к открытиям величайшего плана.

Композиторы А. Петров, В. Соловьев-Седой и Г.-Р. Синисало среди участников художественной самодеятельности села Спасская Губа. 1966

ФОТО: СЕМЕН МАЙСТЕРМАН/ГЛАС

Стоп-кадр

ФОТО: MARY EVANS PICTURE LIBRARY/ТАСС

А. Тарковский
на съемках фильма
«Жертвоприношение».
1986

Присутствие как чудо

Николай Ирин

4 апреля исполняется 85 лет со дня рождения Андрея Тарковского. Рассказывали, писали про него очень много и почти всегда предельно восторженным тоном. Он известен каждому грамотному соотечественнику и массе людей, совершенно равнодушных к художественному поиску. Посему даже интонацию разговора о нем выбрать чаще всего непросто.

ОБЫКНОВЕННО про Андрея Арсеньевича речь ведут в выражениях довольно туманных. Дескать, природа его дарования внятному объяснению не поддается. Возникает соблазн поломать традицию. Тарковский, ставший любимым, заветным кинематографистом у образованной публики, был ею, что называется, заказан, вымолен.

Сам факт появления подобного творца на территории нашего массового искусства, к которому по определению относится кинематограф, свидетельствует о крайне высоком уровне интеллектуального и художественного развития советского «среднего класса». Хрущевская оттепель обеспечила, кроме прочего, замену мобилизационной модели существования на нечто более комфортное, во всяком случае, в больших городах. Техническая и гуманитарная интеллигенция справедливо размечталась. Ее коллективное бессознательное требовало не одного лишь движения, будь то к сытости, социалистической законности, коммунистической нравственности или элементарной безопасности, но и пауз, внезапных озарений, волнения неясной природы.

«Тишины хочу, тишины! Нервы, что ли, обожжены...» — писал в одночасье ставший кумиром интеллигентов Андрей Вознесенский, по иронии судьбы одноклассник своего не менее одаренного тезки.

На съемках фильма
«Жертвоприношение»

«Застава Ильича»

Тарковский приходит, чтобы реализовать тайные, достаточно высокие помыслы многих и многих. Его ждали, ему чрезвычайно обрадовались. Он, модник и эгоцентрик, эстет и западник, воплощает стремление значительной части образованного класса к прогрессизму, но с поправкой на русскую созерцательность. Появляясь в хуциевской «Заставе Ильича», выступает в роли, пожалуй, самого себя. «Ну вот, теперь у нас полный комплект: лапти, картошка, старинная обрядовая песня, не хватает только цыган и медведей...», «Как вы относитесь к репе?!» — откровенно атакует он показательно правильного главного героя, старающегося балансировать между официально разрешенными идеологиями великой революции и национальной почвы.

Марлен Хуциев снимает в документальной стилистике. Выбор Андрея Тарковского, конечно, обусловлен его поведенческими и мировоззренческими характеристиками. Ему тесно на дозволенной территории. Даже в рамках своего эпизода он нервно стремится

выделиться из в общем-то однородной группы товарищей. И вся его последующая работа над собой и над фильмами — это попытка изобрести индивидуальную манеру, утвердить в качестве противовеса коллективному свое специфическое видение.

С претензиями в адрес «лаптей, картошки и репы» могло солидаризироваться немало грамотных горожан. Их в огромной, многоукладной, объективно тяжелой на подъем России залипание официальной культуры на стадии аграрно-индустриальной изрядно тяготило. Хотелось новой эстетики, движения к себе.

Ведь и передовая по тем временам «Застава Ильича» во многом топчется на месте, ее мировоззренческие споры наивны и конформистски ориентированы. Ершистый, непримиримый Тарковский олицетворяет здесь неприятие застоя, даже некоторую ненависть к программной простоте. Ибо та зачастую хуже воровства, но ею по инерции и массово принято было умиляться.

Эпизодический персонаж в ленте Хуциева бросает существенное: «К родителям нужно ходить в гости, занимать у них деньги». Это особенно впечатляет на фоне сильнейшей зависимости от давно погибшего отца, характеризующей главного героя картины.

Тарковский агрессивно и последовательно культивирует самостоятельность. Да, учится у Бунюэля и Бергмана, Антониони и Куросавы, Кавалеровича и Брессона, неприкрыто их в своих работах цитируя. При этом, похоже, нисколько не боится упрека во вторичности или подражательстве, ибо знает об одном своем сильном, даже уникальном художественном умении.

Он настолько адекватен и так грамотно в собственном внутреннем устройстве разбирается, что формулирует лучше отечественной критики, которую откровенно не уважает. Раз за разом высказывается письменно и устно о категории «время», почитает ее как специфичную для кинематографа, как своего рода базу.

Вот наугад выхваченный из его творческого наследия пример. Сталкер, отсидевший пять лет персонаж Александра Кайдановского, тихонько выскальзывает из супружеской кровати на кухню, зажигает колонку, чистит зубы. Вскоре к нему присоединяется разгневанная супруга, предъявляет претензии, все равно не может удержать упрямого мужа дома, валится в отчаянии на пол...

В содержательном плане — почти что ноль, а оторваться невозможно. И почему, кстати, этот эпизод на кухне — равно как и последующий, уже на воздухе, тоже малоинформативный, статичный, неизобретательный, бытовой, с женщиной в авто и Писателем — не оставляет впечатления заснятого на пленку театра, хотя к тому есть все формальные основания? Как он это делает?!

Просто у Тарковского есть осознанная, опознанная, всесторонне продуманная система ценностей. Похоже, суть вот в чем. Наряду с категорией «время» его более всего интересует категория «чудо». Архаичное, мифопоэтическое мышление понимает это в виде волшебства. Последнее всегда персонифицировано, соответствующий волшебник, будь то маг или бог, с неизбежностью прилагается. Противоположностью подобного мировосприятия выступает атеистическая концепция, представленная критическим или же социалистическим реализмом. Там, грубо говоря, люди управляют с жизнью сами, и все поступки, все сюжетные перипетии — следствия человеческого выбора и усилий.

Тонко мыслящего кинохудожника не устраивает ни первая система, ни вторая. Замечательно написал Андрион Кончаловский: «В своем искусстве он становится все более католиком, даже протестантом, чем православным, сколь это перерождение ни странно для него». Протестантизм XX столетия, эпохи крушения

«Солярис»

разрушило бы магию зрелища, но и элементарно банализировало бы всю художественную конструкцию. По Тарковскому, чудо — это и есть присутствие, наше собственное, тотальное, здесь и сейчас, и одновременно неподалеку, за спиной чего-то Непонятного/Бесконечного; на замызанной кухне, в убогой пристанционной забегаловке, на космической станции посреди архаически мыслящих древних славян — все равно.

Грандиозное открытие состоит в том, что означенного присутствия достаточно и для того, чтобы обрести просветление, и для того, чтобы сотворить совершенную кинематографическую форму.

Кончаловский пронизательно отмечает, что литературное начало у Тарковского намного слабее пластического, но это закономерно, в этом залог успешности того метода, что он реализует. Ведь в традиционном кино, пусть и гениальном, взаимодействие персонажей считывается нами в первую очередь на уровне характеров. Мы отслеживаем столкновение интересов, наше внимание сконцентрировано на «слишком человеческом».

И тогда загадочный, непостижимый мир — одно, а маленький, в целом понятный и прогнозируемый в рамках сюжета человек — другое. В обыкновенных кинопроизведениях мы толком не видим ни сути ве-

«Зеркало»

веры в натуралистическое чудо, утверждал приоритет символического порядка. Библейские, как, впрочем, и любые иные чудеса метафорически обозначают подлинные психологические феномены.

«Сталкер», безупречная работа Тарковского, буквально манифестирует эту систему мышления. Персонажи отправляются за сверхъестественным, но ведь и мы, зрители, тоже страстно ожидаем визуально различных, натуралистически реализованных, буквально воплощенных чудес. Мы приучены кинематографом к самым необузданным превращениям на экране.

Режиссер гениально насыщает почти трехчасовую ленту несбывшимися обещаниями, поразительное передает томление конечного существа, одержимого желанием видеть бесконечное. Делает это исключительно кинематографическими средствами: сценарий хорош, но все-таки скромн, локален, необходимый эффект достигается за счет моделирования чужого, потустороннего взгляда.

Чье-то присутствие постоянно ощущается, однако ясно, что предъявление этого «кого-то» не просто

«Ностальгия»

«Сталкер»

щей, ни природной стихии, элементарно не чувствуем времени.

Предельно ослабляя повествовательное начало, сводя его к базовым архетипам (к ожиданию чуда, например), Тарковский дает возможность, присутствуя, видеть! Вот почему заурядные интерьеры и пейзажи в его фильмах завораживают. И при всяком новом просмотре это ощущение присутствия сохраняется. Значимость «интересного» он отрицает. В сущности, натуралистически понимаемое чудо это именно «интересное», которое есть соблазн, зло, неправда. Ведь, по Тарковскому, чудесен весь мир, куда человек включен на равных правах с камнем, птицей, ручьем, разрушенным бункером.

Он предлагает ощущать живую жизнь как продолжительность, как срок, проведенный в режиме максимального внимания. Его эпигоны ничего на этом пути не достигли, ведь для того, чтобы хоть в какой-то степени повторить эффект, необходимо обладать такой же визуальной, пластической и акустической одаренностью, а это абсолютно штучное явление.

Покушение Тарковского на законы повествовательности многих кинематографистов и зрителей раздражает. Нужно признать, порой ему сложно выдерживать «бессодержательную» манеру на большом временном отрезке. Сюжет «Сталкера», где сошлись все базовые идеи мастера, все-таки исключение. Там фактически нет недостатков или провисаний, изображение и звук совершенны. Пожалуй, это можно было бы длить еще сколько-то, да вот беда, в советской киноиндустрии не предусматривалось соответствующего формата.

Снятые уже в Италии и Швеции «Ностальгия» с «Жертвоприношением» сильно страдают от того, что не придумано архетипически нагруженного повода — подолгу наблюдать, чувствуя при этом значимость общей конструкции. Зритель, как и всегда, заморожен, но слегка нервничает, потому что не может разделить с персонажами понимание важности их проблем.

Впрочем, и эти картины и, допустим, клочковатое, нарциссически заостренное, приводящее многих в ступор «Зеркало» все равно оставляют ощущение безупречно проделанной внутренней работы. Вспоминается удивительная по своей пронизательности реплика американского режиссера-новатора, победителя престижного фестиваля «Сандэнс». Обругав Тарковского за претенциозность и самовлюбленность,

тот закончил свой раздраженный монолог признанием: финал «Зеркала», фильма, с которым он яростно борется при всяком новом просмотре, самое лучшее и самое непостижимое из того, что он видел в кино.

И в самом деле, почему это камера внезапно заезжает в лес, да еще и по столь причудливой траектории? Кто движется, кто созерцает, в чем смысл?!

Критиковавший «Зеркало» Сергей Герасимов не мог постичь, почему такое ошеломляющее впечатление произвела на него сцена, где встречаются возле деревенского плетня незнакомые женщина и мужчина, персонажи Тереховой и Солоницына. Солидаризирую-

«Коток и скрипка»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ваться легко с обоими, и с господином американцем, и с товарищем Герасимовым: ощущение нерукотворности, присутствия как чуда не покидает, когда видишь упомянутые эпизоды.

Кажется, что многие куски Тарковского существовали всегда, что они лишь подсмотрены и протранслированы высшим разумом — тот случай, когда слишком легко употребить в отношении человека ко многому обзывающее словечко «гений».

Своим образом жизни и творческой манерой Андрей Арсеньевич принуждал человека двигаться в сторону самого себя, отказываясь от общественно признанных и социально выгодных решений. Он жил сравнительно недолго, а снял относительно немного.

Его открытия всемирны, высказывания чеканны: «Главным эстетическим принципом, руководящим работой кинохудожника, должна стать форма, способная выразить конкретность и неповторимость реального факта». Под фактом он понимал не новости дня, не политическую и социальную горячку. Это — каждая наша мысль, всякий поступок, наши мгновения, жизненные опыты.

Как его ни воспевай, Тарковский никогда не выглядит художником преувеличенным. Невозможно преувеличить значение тех категорий, на которые он с настойчивостью пророка обращал наше внимание.

ФОТО: PHOTOPRESS

Мясной терем

Максим Сырников

В словаре Владимира Даля курнику дается следующее определение: «Сдобный круглый пирог, с курицею, яйцами...» А еще автор отмечает, что «за место курицы, попадает туда и утка, и говядина». Название пирога происходит вовсе не от «курицы», а от слова «курень» — так в южнорусском говоре называется курная изба, жилой дом.

Вот и курник формируется, а затем выпекается в виде высокого дома с крышей из пресного теста. Последнее делалось в России без дрожжей, на основе домашних кисломолочных продуктов: сметаны, простокваши, варенца. Вспомним еще раз сказку про Колобка: «На сметане мешен, в масле пряжен, на окошке стужен».

На Южном Урале курник готовят чаще всего с говядиной, бараниной или свиной. В последнее время добавляют к мясу картофель — на манер современной татарской выпечки. Такие курники в закрытом пресном тесте получаются необычайно сочными и очень вкусными. После Великого поста, во второй половине апреля, подобное яство будет весьма кстати.

Курник

Пресное тесто:

Сметана 25% — 300 г

Масло сливочное — 150 г

Мука пшеничная — 550 г

Соль — неполная
столовая ложка

Масло смешать со
сметаной и солью до
полной однородности.

Замесить с мукой легкое
и эластичное тесто.

Раскатать в два тонких
сочня — побольше и
поменьше. На тот, что
поменьше, аккуратно
выложить начинку —
пирамидкой. Закрывать
сверху большим слоем и
защипать чуть выше
основания курника.

Выпекать полтора часа
при 140–150 °С.

Начинка — 500 г свиной
или говяжьей и 500 г
картофеля; нарезать
мелкими кубиками,
посолить, поперчить
и перемешать.

Своя

АПРЕЛЬ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки